

О. А. Хорошилова

Костюм и мода Российской империи

Э П О Х А Н И К О Л А Я II

Костюм
и мода
Российской
империи

О. А. Хорошилова

Костюм и мода Российской империи

ЭПОХА НИКОЛАЯ II

УДК 94(47)"18/19"(084/1)

ББК 63.3(2)5я6

Х80

**Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»**

Макет, обработка фотографий и цветокоррекция –
Александр Зарубин

Фото на обложке и суперобложке:

Лейтенант Константин Оглоблинский с дочерью.

Фotoателье «Левицкий», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1900-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Хорошилова О.А.

Х80 **Костюм и мода Российской империи: Эпоха Николая II.** – М.: Этерна, 2012. – 464 с.; ил.

ISBN 978-5-480-00286-7

Книга, основанная на архивных документах, дает визуальный портрет эпохи через костюмы и моду. Источники – указы, распоряжения императора и различных министерств, правила ношения мундиров, табели имущества, обмундирования и т.п., дневники и письма современников, воспоминания свидетелей того времени, журнальная периодика и многое другое.

Показано влияние политических событий, литературы, искусства, локальных конфликтов и войн на стиль жизни и костюмы одного из самых интересных и драматичных периодов в истории костюма и моды Российской империи.

Текст дополняют фотографии, рисунки, карикатуры. Большинство иллюстраций публикуются впервые.

**УДК 94(47)"18/19"(084/1)
ББК 63.3(2)5я6**

ISBN 978-5-480-00286-7

© О.А.Хорошилова, 2012
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ:

Вместо предисловия	7
Глава 1 Августейшая мода	13
Глава 2 Мундиры, выпушки, петлички	55
Глава 3 Министерская Россия	127
Глава 4 От кадета до корнета	185
Глава 5 «Синяя говядина», «тоннаги», студиозы	223
Глава 6 Девушки в униформе	275
Глава 7 Костюмы профессий	313
Глава 8 От мира к войне. Светская мода 1890-х – 1917 гг.	357
Заключение	458
Библиография	462

Вместо
предисловия

Чувство эпохи

Когда оно возникло? Кажется, еще в раннем детстве – из чистого, тихого интереса к предкам, с которыми отец начал скромно меня знакомить. Вначале был запах. Грузные темные пухлые альбомы с тусклыми массивными затворами густо пахли пылью и старой бумагой с примесью сладковатого аромата столетней кожи. На плотных листах с золотыми обрезами – карточки в плавно изогнутых лианах салонного модерна (бланки тогда на редкость изящно оформляли). Живописные лица исполнены в розоватых тонах фотосепии. Прапрабабка Варвара, красавица, молодая и спесивая, с утонченным античным профилем сердцеедки. Держала мужа подшелковым каблучком, а семью и дела – в железном кулаке. Вот ее сыновья – послушной темной рамой вокруг стареющей матери: ловкий предприниматель, артист Александринки, «поручик-голубчик» Московского полка и еще один – застенчивый чернобородый врач в скромном белом кителе со слепыми от солнца погонами (мой прадед). А вот и дед, Лев Николаевич, юнкер Пунин, Лева – фотографии наклеены вперемежку. На нескольких

страницах – хаотично, скороговоркой описана его жизнь. Детство, прелестное Царское Село, кадетский корпус, юнкерское училище, война, потом еще одна, и еще... Зоркая, звонкая лупа бабушки, сквозь которую она когда-то перечитывала Вольтера и Руссо в подлинниках начала века двадцатого, приблизила блестящие детали эпохи – вензеля на светлых погонах кадетского мундира, пуговицы и ременные бляхи с «сиянием», кокарды, звездочки, петлички. Красивые мелочи цивильного мира меня тогда не привлекали, я осматривала их бегло и рассеянно.

К тактильным ощущениям и первым архивным запахам примешался неизбежный аромат духов, которыми бабушка щедро опрыскивала театральные перчатки. В ее молодости это было bon ton. Ольги Николаевны не стало много лет назад, а перчатки все еще расточали терпкий сладковатый парижский «одор», перебить который не могли ни кисловатый шерстяной запах военного сукна, ни жутковатый телесно-нафталиновый аромат лисицы, старинной горжетки, когда-то искривившейся в пыльном серебре петербургской зимы.

**Лева
и Зина Пунины
позируют
в праздничных
костюмах.**

1904 г. Царское Село.
Архив О.А.Хорошиловой

**Николай
Михайлович Пунин,
надворный
советник,
младший врач
Гвардейской
конно-
артиллерийской
бригады.**
На правой стороне
сюртука – знак доктора
Императорской
Военно-медицинской
академии.
Ателье «Carbini Frères»,
Санкт-Петербург.
Конец 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Русская Belle Époque казалась мне временем вечной зимы в сценографии мири- скунников. Картинно небрежное щегольство народного баса, легко распахнувшего монументальную шубу, его соболя набекрень шапка, его пестрое подвижное кашне. Острые лучи московского масленничного солнца, играющие на лисированных румянцах развеселых купеческих девиц. Полутьма холодного петербургского вечера, рождающая дивные фантомы. Жемчужно улыбаются незнакомки в «плэдах» и меховых манто, безумный монарх в нежных хлопьях брейгелевского снега проводит красочный парад, не замечая багровеющей впереди могилы, полу- воздушная николаевская шинель танцу-

ет вальс с петербургским ветром в звездной гоголевской ночи. А внизу стынут тусклые улицы и тепло золотятся витрины богато иллюминированных магазинов, кафе, ресторанов, где так прелестно обманывают, соблазняют и гениально сводят с ума покупателей призрачного петербургского счастья.

В русской Belle Époque всегда холдно, празднично, чуть чопорно и чуть одиноко. Кажется, ее современники, закутанные в шинели, спрятавшиеся в пальто, ротонды, в дивные сибирские меха, разоблачались лишь для того, чтобы сняться на память в фотографических ателье. Их были тысячи. Дорогие и модные: «A. Pasetti», «Левицкий», «Boissonnas et Eggler», «К. К. Булла» – для аристократии и несметно богатых купцов. Чуть скромнее, но столь же известные: «A. Лоренс», «Rentz & Schrader», «А. Оцуп», «Reissert&Fliege». Были и для середняков, расчетливых разночинцев, желавших получить дешевый фотографический отпечаток с дешево выглядящего оригинала. Названия этих мастерских, раскиданных по всей Российской империи, помнят ныне разве что пухлые губернские справочники. Сотни тысяч снимков – формата «визит», «кабинет» и побольше – расходились по семейным альбомам, становились со временем сотней дорогих лиц, а после кончины человека, их обожавшего, отправлялись на свалку истории, и только десяток-другой попадал в чужие руки, бережливые, но чаще корыстные...

Варвара Дмитриевна Пуннина

(урожденная Соколова) позирует в траурном наряде, который она носила после смерти мужа.

Ателье «Carbini Frères»,
Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Дмитрий
Михайлович
Пунин,**

поручик лейб-гвардии
Московского полка.
Ателье «Carbini Frères», Санкт-
Петербург.
Начало 1890-х гг.

*Архив
О.А.Хорошиловой*

**Дети
Николая
Михайловича
Пунина**

слева направо:
Лев, Зинаида,
Леонид, Александр,
Николай.

Двое последних
в летней форме
воспитанников
Царскосельской
Императорской
Николаевской
гимназии.

Царское Село.
Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Лев Пунин,
воспитанник
петербургского
2-го кадетского
корпуса.
Фотоателье «И. Ону»,
Петроград.
1914 – 1915 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

В конце 1990-х годов я зашла в один известный букинистический магазин на Литейном проспекте. Там бывал еще мой дед во время учебы в кадетском корпусе. Рассматривая старинные книги сквозь витринное стекло, обнаружила сиротливую пачку оливковых карточек. Благородные лица и неблагодарно низкая за них цена подкупили. Чувство эпохи, эта хрупкая аура нестройных семейных образов, полупрозрачных тонких звуков, случайных ароматов, начало, наконец, обретать четкие контуры, логику и почти телесную плотность фактов, заверенных личной печатью истории.

Вначале это были просто лица и просто костюмы – беззвучные, тусклые, обыкновенные. Но их изучение, попытки атрибуции (по фотоателье, одежду, аксессуарам, прическам) совершили с безымянными фигурами невообразимые метаморфозы. Становилось ясно, почему у господина именно такой сюр-

тук, именно так повязан галстук и надета шляпа, почему дама странно выпячивает грудь и позирует вполоборота, заставляя любоваться извивающимся треном вечернего платья. Удавалось точно определить время съемки и даже набросать судьбу человека, следуя всего лишь размашисто-нервному росчерку под сияющим лицом дарителя. Впрочем, в сложном вопросе атрибуции часто приходилось опираться и на чувство эпохи, интуитивность которого мягко подсказывала то, о чем упорно молчали факты.

Из тысяч снимков, оживленных архивными и мемуарными свидетельствами, постепенно выстраивался образ того сложного и пестрого времени, начавшегося с пастельной *Belle Époque* и завершившегося в студеных окопах Великой войны.

Это было удивительное время – пестрое, хаотичное, противоречивое, жутковатое. В моде – все. Лубочный «неорюс», тусклый классицизм, пуританская спесивая англомания, телесный и чувственный Восток, литература, спорт, война. Декаденты теряли голову от эстетского гашиша и красиво стрелялись в «синема», рабочий люд терял голос на стачках, а несчастные юнцы-офицеры тихо сходили с ума под оглушительными разрывами германских фугасок...

Это было воинственное время. Урапатриотический поход в Китай, непонятная далекая Русско-японская, муничительно длинная, потерявшая свой

смысл Первая мировая, а затем постыдная Гражданская. А еще митинги, революции, «долой» и «всех за борт». Модой правил военный стиль, и униформа хранилась в гардеробах большинства современников русской Прекрасной эпохи. Форменные костюмы носили августейшая семья, придворные чины и служащие, военные и чиновники гражданских ведомств, купцы и служители культа, воспитанники учебных заведений, стражи порядка. И даже цивильный костюм с охотой заимствовал элементы и красивые детали военного обмундирования. Огромное влияние на жизнь и быт оказали войны, особенно Первая мировая, перекроившая гардероб модниц и предвосхитившая многое, что стало привычным уже в эпоху советской республики.

Моду эпохи Николая II невозможно изучать лишь по журнальным изящным костюмам высшего света. В те годы форма значила куда больше – и для коронованных особ, и для мелких обывателей. Она рассказывала о человеке почти все – его происхождение, чин, положение в обществе, финансовый достаток, личные заслуги. Форменный костюм был сложным языком с сотней правил светской грамматики и тысячами щегольских исключений. Им овладевали в отечестве и говорили до конца дней. Хотется, чтобы книга помогла изучить его основы и, быть может, почувствовать ушедшую эпоху.

Я бесконечно благодарна всем тем, кто предоставил для книги ценные документы и фотографии: Кириллу Иосифовичу Финкельштейну, Андрею Львовичу Пунину, Владимиру Викторовичу Авдееву, Алексею Павловичу Григорьеву, Татьяне Васильевне Румянцевой, Светлане Михайловне Ванькович, Юлии Михайловне Амирханян, Сергею Евгеньевичу Володарскому, Роману Вячеславовичу Смирнову, Елене Александровне Быстровой, Ксении Паскаль, Сергею Александровичу Линдебергу, Александру Владимировичу Данилову, Сергею Юрьевичу Копытову.

Я признательна издательству «Этерна» за терпеливый труд по подготовке макета книги.

Отдельную благодарность выражаю моим двоюродным братьям Андрею и Владимиру Гофманам за предоставленные архивы, а также Константину Зборовскому и моей маме Галине Хорошиловой.

**Лев Николаевич
Пунин
с супругой
Ольгой Николаевной.**

Ленинград. 1934 г.
Архив
О.А.Хорошиловой

1

Августейшая мода

Костюмы семьи Романовых
и двора

Император
Николай II.

Это привычное
сочетание титула,
имени и цифры
рождает длинную
череду трафаретных
образов – зеленый
мундир в лентах
и звездах, черно-
желтая горностаевая
мантия, скипетр,
держава и,
конечно же,
блестательная
корона над
неподвижным
лицом, почти лицом.

Этот привычно-официальный, цензурою одобренный образ самодержца российского лишь в малой степени соответствовал своему жизненному прототипу, такому человеческому, «слишком человеческому». Император, скромный, стройный, чуть застенчивый, любил простые оливково-серые кителя, малиновые косоворотки, фуражки и шапки гвардейских стрелков. Во время торжеств и военных парадов он носил мундиры старинных и славных полков. Были в его гардеробе и цивильные костюмы, по которым, если бы не смуты 1917 года, можно было с легкостью составить красивую историю русской моды. Теперь об их скромной роскоши напоминают россыпи снимков, сделанных лучшими столичными фотографами Анаклетом Пазетти, Фредериком Буассонна, Карлом Буллой, а также членами августейшей фамилии – украдкой, как бы в шутку.

Новорожденный наследник престола хоть и зачислялся в списки нескольких именинных гвардейских полков, мундиры получал лишь в пять-семь лет. Эполеты, золотые галуны, шитье, ордена станут частью гардероба и личности великого князя Николая Александровича позже. А пока будущий император нежился в резной люльке и безмолвно наблюдал малознакомый мир в батистовой рубашечке, кружевном воротничке и чепчике. На прогулку в Летний сад он отправлялся в светлом пальто и токе из белых лебяжьих перьев, превращавших малыша в пушистого птенчика.

В 1869 году небольшой гардероб великого князя пополнился особой детской одеждой для торжеств – белыми батистовыми и шелковыми платьицами с воротничком-бертой и рукавчиками-воланами в духе позднего ро-

мантизма. Такие наряды ввел для августейших детей Николай I еще в конце 1840-х годов. Декольте и рукавчики украшали голубые муаровые ленты. Подол обыкновенно был коротким – примерно до колен – и в нижней части отделан кружевами и фестончиками, напоминавшими готические пенакли. Модной «гарнировкой»¹ детских нарядов считалась также английская вышивка. Под платьем малыш носил корсет-пояс с двумя лямочками, нижнюю накрахмаленную юбочку, а также панталончики, обшитые кружевами, шелковые или шерстяные белые чулочки. На ножках – бархатные или кожаные ботики с боковой застежкой, иногда – сафьяновые гессенские сапожки с кисточками. В менее торжественных обстоятельствах Николая Александровича одевали в белое платье с лифом-кофточкой, украшенное отложным кружевным воротничком-бертой.

Когда великому князю исполнилось три года, пришло время расстаться с детскими плащами. Их сменили холщовые и шелковые красные и голубые «русские» рубашки, кушаки и широкие, по моде того времени, шаровары, которые следовало заправлять в мягкие с развалом сапоги «со многими складками». Наряд дополнял головной убор – фетровая шапочка «à la ямщик» с небольшим плюмажем по тулье. Такой национальный наряд считался в 1860-е годы весьма модным, так как в обществе и монаршей семье были популярны идеи славянофилов. Зимой будущий император носил бархатные или кашемировые пальто на пуговицах или с бранденбургами из синего, зеленого или черного сутажа.

**Император
Николай II**
в Большой
императорской короне
и горностаевой мантии.
Фототипия 1896 г.
Архив О.А.Хорошиловой

¹ Гарнировка – отделка платья, жакетов и других видов одежды.

**Императрица
Мария Федоровна
с детьми.**
Будущий император
Николай II
стоит справа
в матросском костюме.
Фотоателье «Везенберг»,
Санкт-Петербург.
1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

И вот наследнику престола исполнилось семь лет. Этот момент считался важным, ведь он входил в мир взрослых, начинал активно постигать азы разнообразных наук и искусств, присутствовал с другими представителями семьи на торжественных мероприятиях, участвовал в парадах и смотрах. Именно в этот день рождения будущий «хозяин земли русской» получил много подарков, приобщивших его к новому сложному придворному миру. Самые важные преподнес его дед, император Александр II – дивные мундиры тех полков, в которые с рождения был зачислен Николай Александрович: лейб-гвардии Семеновского, Измайловского, Егерского, Кавалергардского. Среди самых любимых был элегантный темно-зеленый полукафтан лейб-гвардии Преображенского полка, украшенный шитьем по воротнику и клапанам рукавов, красным лацканом и традиционной белой выпушкой. На свое семилетие великий князь получил и парадный полукафтан 65-го пехотного Московского полка, шефом которого он состоял со дня рождения. Мундир этот был скромнее, на шесть пуговиц, без лацкана и шитья, но юнец был от него в полном восторге.

Однако эти великолепные, прекрасно сшитые мундиры следовало надевать лишь в торжественные дни – во время праздников, смотров и других событий, связанных с историей и жизнью полков. Большую часть времени великий князь вынужден был проводить во дворце за учебой. Среди его преподавателей – настоящие звезды российской науки того времени: экономист, министр финансов Николай Христианович Бунге, историк Василий Осипович Ключевский, обер-прокурор Священного синода Константин Петрович Победоносцев. Стратегию и военную историю преподавал генерал Генрих Антонович Леер, военное искусство – генерал Михаил Иванович Драгомиров. Седовласым профессорам великий князь внимал, сидя за столом в удобной морской блузке с полосатым воротничком-гюйсом, брюках и мягких ботиночках.

Юнец быстро напитывался знаниями, хотя профессора порой журили его за ле-

ноть. Но гораздо быстрее двигался он по военной табели о рангах. В 1875 году получил чин прапорщика, через пять лет стал подпрапорщиком. 1 марта 1881 года объявлен наследником престола и на следующий же день назначен августейшим Атаманом всех казачьих войск и шефом лейб-гвардии Атаманского полка. Его гардероб пополнился мундиром светло-синего сукна со скошенным воротником и серебряными петлицами, суконными шароварами, черной мерлушковой шапкой. На нем прекрасно смотрелась серебряная звезда и светло-голубая муаровая лента ордена св. Андрея Первозванного.

В 1884 году цесаревич принял воинскую присягу, а через три года стал штабс-капитаном лейб-гвардии Преображенского полка. Николай Александрович был одинаково элегантен и в темно-зеленом гвардейском мундире, и в расширом «снурами» красном доломане лейб-гусар, с которыми не раз отправлялся на пестрые и лихие красносельские маневры.

**Император
Александр III
с супругой
императрицей
Марией Федоровной
и детьми.**
Цесаревич Николай
Александрович стоит
за отцом –
в офицерском сюртуке.
Фототипия. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Цесаревич Николай
Александрович**
в мундире офицера
лейб-гвардии
Атаманского полка.
Фототипия. 1889 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревичу исполнился 21 год. Обучение закончено, пройден обязательный курс наук. Настало время гран-тура – большого путешествия, в которое по традиции отправляли своих отпрысков российские монархи, чтобы познакомить детей с истинными масштабами Российской империи и культурой тех стран, с которыми пришлось бы дружить иль воевать. Гран-тур Николая Александровича был особым, так как объединил в себе Европу, Россию, страны Востока и длился с октября 1890 по август 1891 года. Во время поездки наследник носил парадные костюмы и лишь в особенно торжественных случаях переоблачался в военную форму.

Какую бы часть света ни посещал Николай Александрович, он был одет с иголочки – белоснежные сорочки с изящными булавками, жилеты, однобортные или двубортные шерстяные вестоны, брюки клетчатые или визитные, в тонкую полоску. Коротко стриженную голову покрывали модные «боулеры» – котелки с высокой тульей и короткими щегольски отогнутыми полями. Пребывая в жаркой Индии, он носил белый колониальный костюм – однобортную куртку со стоячим воротником и брюки, – а также пробковый бри-

танский шлем. Но даже в цивильной одежде наследник выглядел слегка по-военному благодаря тонким кавалерийским бакенбардам, столь модным тогда среди петербургских молодых гвардейцев, и усикам с напомаженными и вздернутыми концами.

Во время гран-тура Николай Александрович был произведен в капитаны, а в 1892 году стал полковником. В этом чине он пребывал до конца своих дней.

Изящный цивильный костюм наследника трона надел во время знаменательной встречи со своей будущей супругой Алисой, принцессой Гессен-Дармштадтской, состоявшейся в 1894 году в Кобурге. Гардероб, привезенный тогда цесаревичем в Германию, включал светлые шерстяные прогулочные костюмы и черные сюртуки с темно-серыми брюками в тонкую полоску для более торжественных случаев.

Весьма скромно прошло в ноябре 1894 года бракосочетание будущего монарха с избранницей. В присутствие родственников и близкого круга придворных августейшая пара дала клятву вечной любви и верности. Николай Александрович был одет в красный доломан и синие чакчиры лейб-гвардии Гусарского полка, шефом которого стал незадолго до этого события. Александра Федоровна произносила священные слова в золотопарчовой мантии, отороченной и подбитой мехом горностая, а ее голову покрывала корона с кружевной фатой. Но бракосочетание было лишь подготовкой, генеральной репетицией гораздо более пышного и значимого ритуала – коронации, прошедшей 14 мая 1896 года и ставшей самым дорогостоящим и помпезным событием в правление последнего российского императора.

К нему долго и тщательно готовились. Разрабатывали режиссуру церемонии, прописывали все ее этапы, обсуждали последовательность действий монарха и свиты, составляли список приглашенных, меню и многое другое. Особенно внимательно отнеслись к костюмам трех главных действующих лиц коронации – императора, императрицы Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Николай Александрович предпочел короноваться в мундире «семейного» лейб-гвардии Преображенского полка. Этим он нарушил традицию, ведь его прадед, дед и отец короновались в общегенеральских мундирах. Но император был всего лишь полковником и не смел претендовать на жирные золотые эполеты генерал-майора. Итак, мундир выбран. Следовало определиться с ателье. Николай Александрович остановил свой выбор на седовласом грозном Карле Ивановиче Норденштреме, поставщике Его Величества. В гардеробе императора уже был десяток мундиров, сшитых этим «королем петербургских портных», а также сотня изящных предметов и аксессуаров, выгодно дополнявших элегантную военную форму. Коронационный мундир «построили» за месяц и в конце марта 1896 года представили императору для примерки. Это был очередной шедевр гениального Норденштрема – прекрасно сидящий, мягко облегаю-

щий стан, но не тесный, из превосходного зеленого сукна с острой молнией белой выпушки, гвардейским скошенным воротником и преображенским шитьем, повторенным на клапанах обшлагов. По фасону и крою это был еще «мужицкий» полукафтан эпохи Александра III – такие тогда носила русская армия, хотя и начала заметно от них уставать.

Мундир украсили полковничьи эполеты с вензелями Александра III, аксельбант, золоченные пуговицы. Все это, а также золотную тесьму под бриллиантовую цепь ордена св. Андрея Первозванного заказали у Александра Михайловича Скосырева, одного из главных поставщиков императорского двора. Самой любопытной деталью мундира был прорезной клапан в центре лифа, застегнутый на крючок. Во время кульминации предстоящего торжества – святого миропомазания – император должен был отстегнуть его, раскрыв грудь для окропления миром.

**Цесаревич
Николай
Александрович**
среди офицеров
лейб-гвардии
Гусарского полка
в Красном Селе.
1880-е гг.
Фото предоставлено
А. и В. Гофманами

**Цесаревич
Николай
Александрович**
в мундире полковника
лейб-гвардии
Преображенского
полка.
Фотоателье братьев
дэ Йонг.
Нач. 1890-х гг.
Электронная
библиотека «Галтика».

**Императрица
Александра
Федоровна.**
1890-е гг.
Архив
О.А.Хорошиловой

Коронационную униформу дополняли удобные чуть широкие шаровары и высокие лакированные сапоги. Голову царя украсила знаменитая Большая императорская корона, создание талантливых и трудолюбивых Иеремии Позье и Георга Фридриха Экарта. Под корону монарх должен был надеть специальную бархатную ермолку, сшитую мастерами Скосырева специально для предстоящей церемонии.

Более сложной и кропотливой была работа над облачением Александры Федоровны. Члены Коронационной комиссии достаточно быстро сошлись во мнении, что лучшим и самым уместным нарядом будет так называемое «русское» платье. В качестве парадного облачения придворных дам оно было введено особым распоряжением Николая I в 1834 году. Гораздо труднее было подобрать образцы вышивок и текстиля. Этую задачу возложили на фрейлину Ее Величества Марию Николаевну Ермолову. Для «русского» платья более всего подходила тяжелая серебристая парча, а лучшим ее поставщиком в России считался купец первой гильдии Владимир Григорьевич Сапожников, владе-

лец известной компании «А. и В. Сапожниковых». После скрупулезного изучения нескольких образцов Мария Николаевна остановила свой выбор на тяжелой, роскошной серебристо-серой парче с говорящим названием «грань». Материал был столь монументальным и плотным, что выдерживал любое количество металлической вышивки. Сделав последние расчеты, все обдумав и взвесив, Ермолова составила Сапожникову увесистый заказ – 45 метров серебристой искрящейся «грани». После этого неутомимая фрейлина принялась за вышивки. Следовало придумать такие узоры, которые бы одновременно соответствовали «русскому» стилю платья и вписывались в контекст коронации. Ермолова поспешила к художникам, знавшим все орнаментах.

Николай Козлов придумал для императорского платья тонкие рокайльные прелести в стиле вышивок Луи XV. Михаил Врубель предложил стилизованную византийскую вязь, а Елена Тайхерт, названная в документах «ученой рисовальщицей», создала проекты орнаментов в абстрактном «русском» стиле.

Меню
торжественного
обеда
в честь коронации
1896 г.
Частная коллекция.

Ермолова сочла, что проект художницы лучше всего подходит коронационному наряду. За него «ученая рисовальщица» получила целых 300 рублей².

Следующий этап работы был самым сложным. Купец Сапожников переправил парчу в Санкт-Петербург в мастерскую Ольги Николаевны Бульбенковой, знаменитой придворной портнихи. В ее салоне «Мадам Ольга» парчу раскроили и перевезли в Москву. Там «грань» уже ждали монашенки Ивановского монастыря и специально приглашенные мастерицы. Ловкими проворными пальчиками они покрыли парчу серебряными орнаментами, блестками и жемчужинами, специально доставленными в Москву из петербургского Зимнего дворца. Затем кусочки расшитой «грани» опять попали к Бульбенковой. Ее мастерицы сшили их, руководствуясь проектом и указаниями Ермоловой. После этого платье вернули игуменье Сергии, и монашки ахнули – от частой гляжки парча потемнела, а вышивка искривилась из-за машинной строчки. Пришлось распороть часть платья, вставить новые куски парчи и заново расшить. Платье императрицы несколько раз переезжало из Москвы в Петербург и обратно. В Коронационную комиссию и фрейлине Ермоловой сыпались взаимные обвинения. Монашенки жаловались на Бульбенкову и ее неумение обращаться с высокопородной парчой. Мадам Ольга спешила защитить свое ателье и утверждала, что московские мастерицы ничего не смыслят в искусстве кроя и технологиях... Наконец, в марте 1896 года платье было готово. Ослепительный наряд Александры Федоровны дополняли корона и бриллиантовый орден св. Андрея Первозванного, созданные ювелиром Карлом Августом Ганом.

Следовало подготовить мантии – для императора, императрицы и Марии Федоровны. Вновь обратились к Сапожникову, и купец предоставил все необходимое: грань (гладкую и гербовую), атлас, шелковые шнурки с кистями³.

² Амелехина С., Гафиуллин Р. Платье для императрицы / Родина, № 9, 2001. – С. 101-102.

³ Там же. С. 103.

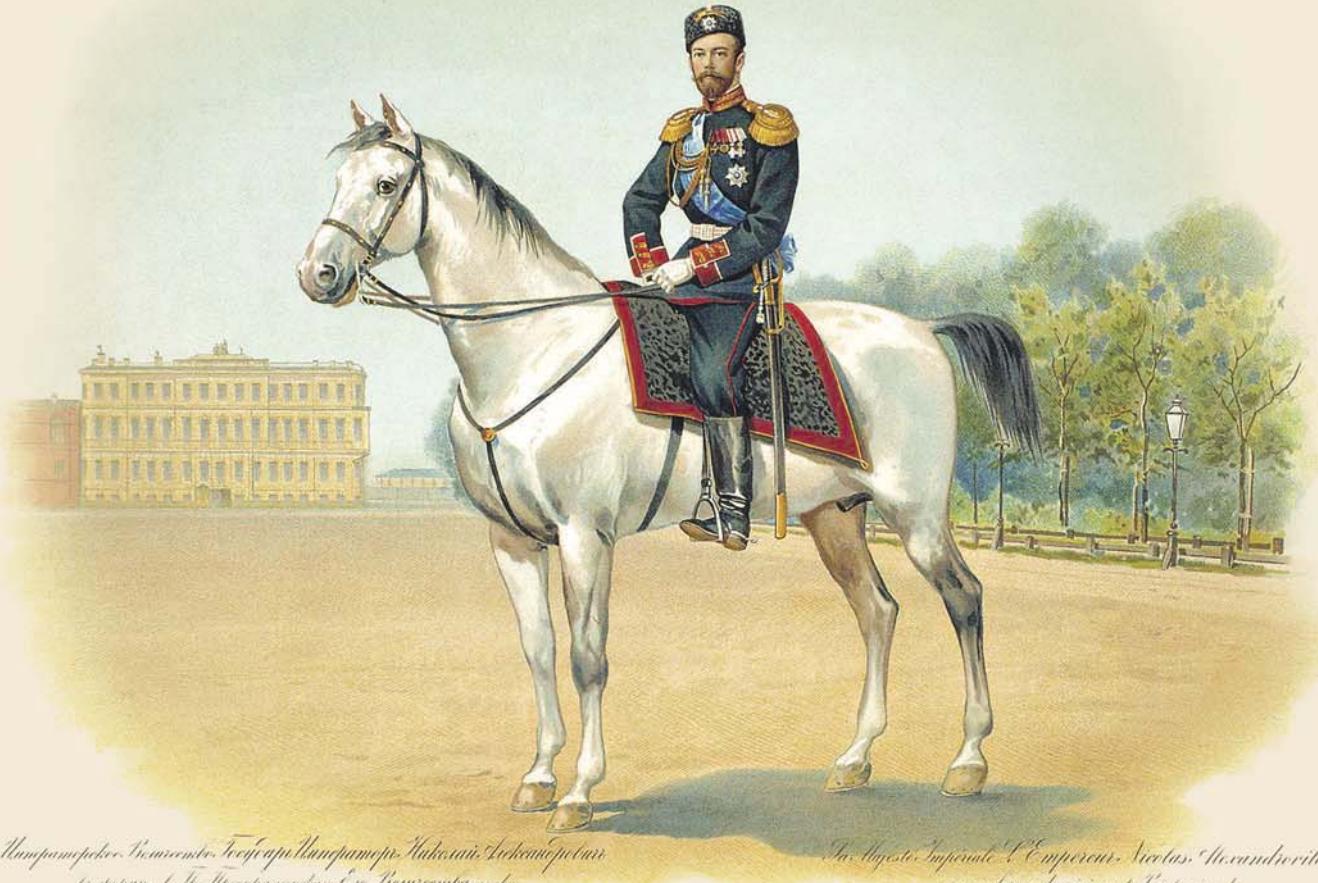
Фирма «Павел Скородумовский с сыновьями» поставила горностаевый мех. Мантии сшили мастерицы Ольги Бульбенковой.

Свидетелями коронации стали члены семьи Романовых. Великие князья надели парадные мундиры тех частей, в которых состояли, маленькие князья императорской крови – белоснежные матросские костюмчики, великие княжны и княгини облачились в парадные «русские» платья. «Как я была взволнована, что накануне коронования почти не спала, – вспоминала великая княгиня Ольга Александровна. – Я была на ногах задолго до того, как поднялась Нана. Кажется, мы позавтракали, я уж и не помню. Затем Нана и девушка-служанка начали меня одевать. Я облачилась в длинное придворное платье из серебристой тафты и впервые надела через плечо алую Екатерининскую ленту. На голову мне надели шитый серебром кошник. К платью полагалась накидка, прикрепленная к левому плечу со шлейфом. Прежде я еще никогда не надевала “доспехи”, как мы называли этот наряд, показавшийся мне тяжелым и неудобным. На мне была одна нитка жемчуга и больше никаких других украшений»⁴.

Важными участниками предстоящего действия были герольды. Они оповещали о начале торжеств, возглавляли коронационную процессию и почетным караулом выстраивались вокруг императорского трона. Их великолепные костюмы во многом повторяли средневековые облачения. Каждый был одет в нижнюю тунику, далматику, бело-черно-золотые шаровары, мягкие песочного цвета сапоги и бархатные шляпы с плюмажем. Известно, что золотую парчу для далматик заказали у Владимира Григорьевича Сапожникова. Рисунок государственных гербов,красивших облачения герольдов, создал Александр Александрович Фадеев, художник департамента Герольдии Правительствующего Сената.

Все одеяния, драгоценные аксессуары, подарки были, наконец, готовы. Они обошли казне в 898 тысяч рублей! Но результат того стоил.

⁴ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 241.

Княгиня Мария Барятинская, свидетельница коронации, вспоминала:

«Москва, настоящая царская столица, была в праздничном наряде и с радостью встречала гостей. Поприветствовать Белого Царя⁵ собрались все расы, одетые в невиданное многообразие костюмов. Его величество въехал в Москву в окружении членов императорской семьи, зарубежных правителей и иностранных послов, сопровождаемый блестящей свитой, причем все были верхом. Две императрицы, великие княгини и княжны ехали в лакированных цвета ласточкиного крыла каретах (как на картинах Ватто), возраст которых датировался временами Екатерины I, а может быть, и старше <...>.

Площадь перед Кремлем стала заполняться войсками в полной форме, чтобы при-

ветствовать их величества на пути в собор, где должна была произойти коронация. Я не могу описать это во всех деталях, но постараюсь изобразить наиболее примечательные моменты. Первой в собор вошла вдовствующая императрица; на ней было платье из серебристой ткани, украшенное драгоценными камнями, а на голове у нее была алмазная корона. На шее – огромные, привлекающие всеобщее внимание коронные бриллианты. С плеч ниспадала императорская мантия из тяжелой парчи, отороченной горностаем. Над головой – бархатный, обшитый золотом балдахин фиолетового цвета, который по концам поддерживали придворные из ее свиты. У входа в собор вдовствующую императрицу встретил митрополит, поднес крест и окропил святой водой. Затем она уселась на троне и стала ждать некоронованных величеств <...>.

Император Николай II

в форме лейб-гвардии
Преображенского
полка.

Цветная литография. 1896 г.
Flickr.com

⁵ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

С.И.Шварцнер. Портрет Ее Императорского Величества Императора Николая Александровича
в форме лейб-гвардии Гусарского полка.

Sa Majesté l'Empereur L'Empereur Nicolas Alexandre vitch
en uniforme du régiment des Hussards de la Majorité

**Император
Николай II**
в форме лейб-гвардии
Гусарского полка.
Цветная литография. 1896 г.
Flickr.com

На императоре Николае был мундир самого старого гвардейского полка – Преображенского, а императрица была одета в белое русское платье, обшитое жемчугом. Так как они еще не были коронованы, перед ними не несли никаких символов власти. Императрица была исключительно красива, но все заметили, насколько смущенной и нервной она выглядела. Глаза императора были яркими и светлыми, как будто он смотрел в будущее с надеждой и уверенностью».

Князь императорской крови Гавриил Константинович описал чин коронаования:

«Красота была во всем и затмевала все, что мне когда-нибудь приходилось видеть. Успенский собор, свидетель нескольких веков русской истории, в котором венчались на царство все цари из Дома Романовых; сонм духовенства в великолепных облачениях, с митрополитами во главе; чудное пение – все это придавало тор-

жеству глубоко-мистический характер. Великие княгини и иностранные принцессы в роскошных платьях и драгоценностях; великие князья и иностранные принцы в самых разнообразных мундирах; придворные дамы и кавалеры, – живописная толпа, окружавшая царя и цариц – все было красиво и величественно. Государь сам, как Самодержец Всероссийский, возложил на себя корону и короновал Императрицу, вставшую перед ним на колени. Государь прочел “Символ Веры” громким и ясным голосом. Было очень трогательно, когда Государь читал молитвы, которые читают государи по чину коронования. При этом одну молитву Государь читал стоя, а все присутствующие стояли на коленях, а другую Государь читал коленопреклоненно, а присутствующие стояли. По окончании чина коронования все Семейство поднялось по лестнице на возвышение, на котором стояли царь и царица, чтобы принести им поздравления <...>.

С. Николаевский. Конногвардейский полк императора Николая II в форме драгунского Егерского полка.

La Majesté impériale à l'Empereur Nicolas II en uniforme du régiment des dragons de l'École à cheval.

Затем последовало миропомазание и вхождение Государя через Царские Врата к Престолу для св. Причастия по священническому чину. При совершении миропомазания помазывают миром также и грудь. Для этого у Государя было сделано на груди мундира отверстие с клапаном. На следующий день, когда мы осматривали Оружейную Палату, нам показали этот мундир, и мы видели вырез на груди мундира с клапаном, чтобы этот вырез прикрыть. Мундир уже висел среди других, в которых короновались прежние императоры. Между прочим, Александр III долго не хотел посыпать своего мундира в Палату и носил его и после коронации. Это было заметно по его изношеннности»⁶.

После священнодействия процессия перешла в Грановитую палату, где участников

коронации ждали искусно накрытые столы с яствами. День завершился пышной иллюминацией и фейерверками. Во это время в Москве проходили народные гуляния, закончившиеся трагедией на Ходынском поле. Впрочем, даже она не помешала императорской чете принимать поздравления и участвовать в запланированных мероприятиях.

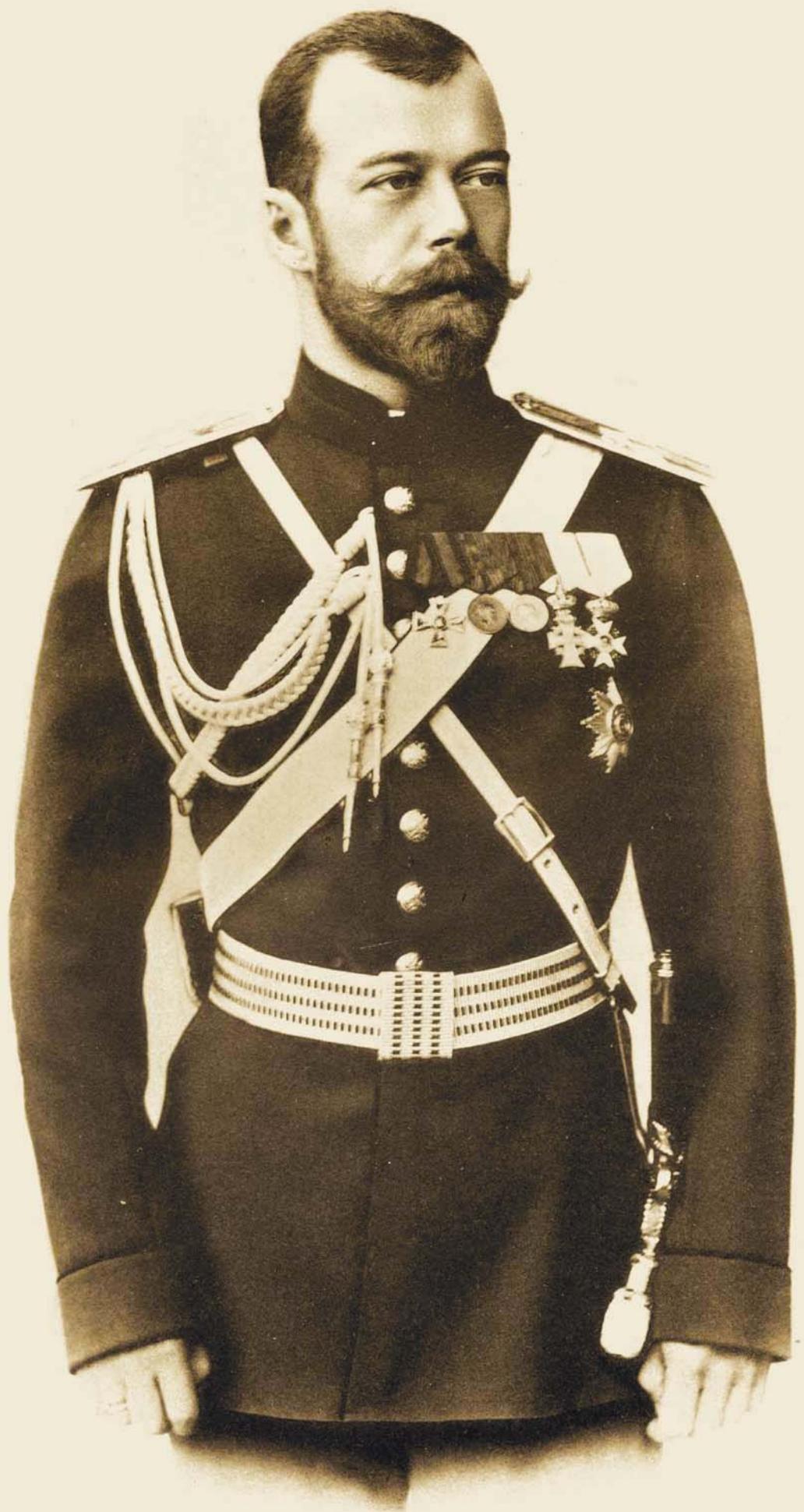
Это было последнее грандиозное и дорогостоящее торжество дома Романовых. Никакие последовавшие за ним празднества, даже знаменитый бал-маскарад в Зимнем дворце, не могли сравниться с коронацией 1896 года. И виной тому не только Ходынская катастрофа. Николай II и его супруга, скромные и непрятязательные в личной жизни, не любили пышных, многолюдных и дорогих мероприятий. Княгиня Мария Барятинская утверждала: «Во время правления царя Николая II развлечения при дворе устраивались редко.

Император Николай II

в форме
14-го драгунского
Нижегородского
полка.

Цветная литография. 1896 г.
Flickr.com

⁶ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. – СПб: «Голубой всадник», 1993. – С. 26.

Императрица недолюбливала светскую жизнь, не проявляла интереса к танцам, а дети были еще слишком малы для появления в свете»⁷.

Николай Александрович не был утонченным модником, однако знал все о военном шике и слыл среди офицеров знатным «тоннагой». В форме царь был необычайно хорош, и многие офицеры старались ему подражать еще тогда, когда он был наследником. Матильда Кшесинская вспоминала: «Володю Свечина я помнила еще правоведом. Он служил теперь (в 1892 году. – О.Х) в Преображенском полку, одно время вместе с наследником (Николаем Александровичем. – О.Х), и обожал его, стараясь во всем ему подражать. Он носили такую же бороду, как наследник, катался, как он, в одиночке с толстым кучером, носил закинутый назад башлык и даже руки старался держать, скрестив у пояса, как наследник. Он был на него похож и приходил в восторг, когда ему отдавали честь как наследнику, становясь во фронт»⁸.

Часто государя видели в Преображенском мундире, а также в ловком красном доломане и белом ментике лейб-гусар. Он предпочитал носить их и во время торжественных Высочайших выходов. Александр Александрович Мосолов свидетельствовал: «Государь обыкновенно выходит в форме того полка, кого праздник совпадает с днем выхода или который в этот день несет караульную службу во дворце. Иногда, впрочем, государь предпочитает надеть мундир Преображенского или Лейб-гусарского полка, в коих, как известно, царь служил, проходя в них военную науку»⁹.

Николай II не отличался выдающейся внешностью. Он не был высок и статен, как его отец, не имел чарующе грозного лика, как его прадед Николай I. Царь имел черты приятные, мягкие, но не выразительные. Его, облаченного в полковничий мундир, часто принимали за гвардейского офицера-аристократа. «Как-то днем, – писала Мария Барятинская, – когда мы

объезжали новых лошадей, мой муж, я и мой деверь встретили его величество, которого мы никогда прежде не видели катавшимся на таких простых санях. Издали, видя его красивую бороду и гусарский головной убор, мы приняли его за князя Орбелиани, брата фрейлины царицы. «Мамук! Мамук!» – закричали мой муж и мой деверь. Тогда возница поднял с глаз свою меховую шапку и, низко поклонившись, сказал нам: «Это их величества!». Мы были очень сконфужены; правда, мы так и не узнали, услышали ли императорская сторона наше бесцеремонное приветствие»¹⁰.

Об «офицерской» внешности императора писал и Олег Пантюхов, служивший в лейб-гвардии 1-м стрелковом Его Величества батальоне: «В первый же год, в первую зиму моего пребывания в батальоне, приехал к нам государь. Какая простота во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, и в окружении <...>. Государь был в форме нашего батальона. Если бы не двойные вензеля на его полковничих погонах и не золоченые аксельбанты, то по форме его можно было принять за одного из наших офицеров»¹¹.

Главными поставщиками императора были асы портновского мастерства – непревзойденные Карл Иванович Норденштрем и Александр Михайлович Скосырев, а также Генри Фолленвейдер, владелец знаменитой фирмы «Генри», у которого Николай II заказывал военно-морскую форму, в том числе и мундир Гвардейского флотского экипажа.

Несколько раз императора видели в солдатском обмундировании. Связано это было с тем, что военное министерство начало реформирование внешнего облика и снаряжения армии. Новый вариант обмундирования решено было опробовать осенью 1909 года в 16-м стрелковом полку, расквартированном близ Ливадии. Узнав об этом, монарх приказал доставить во дворец «опытные образцы». Утром 24 ноября, надев просторную защитную рубаху

Император Николай II

в вицмундире полковника
лейб-гвардии
Кирасирского
Его Величества полка.
Фототипия. Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

⁷ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>

⁸ Цит по: Николай II. Воспоминания. Дневники – СПб: Пушкинский фонд, 1994. – С. 26.

⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 193–194.

¹⁰ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>

¹¹ Пантюхов О. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Мэпплвуд, 1969. – С. 149.

**Император
Николай II**
в форме полковника
лейб-гвардии
Преображенского
полка.
Фототипия.
Архив О.А.Хорошиловой

с суконными погонами, фуражку, шаровары и сапоги, ремень с пряжкой и подсумками, перекинув через плечо вещевой мешок и скатку, взяв винтовку со штыком, император отправился в поход по ливадийским холмам. В тот же день он зафиксировал в дневнике: «Утром надел рубашку стрелка 16-го стрелкового полка и полное походное снаряжение и отправился из Ливадии в Ореанду. Вернулся через час и сорок минут довольный испытанием»¹². Александр Александрович Мосолов дополнил: «Надев его (обмундирование. – О.Х.), вышел из дворца совершенно один, прошел 20 верст и, вернувшись по другой дороге, сделал всего более 40 (верст. – О.Х.) <...>. Он нигде не чувствовал набивки плечей или спины, признав новое снаряжение подходящим, впоследствии его утвердил»¹³. В ноябре того же года импера-

¹² ГАРФ. Ф. Николая II. Оп. 1. Д. 254. С.156.

¹³ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 84.

тор несколько раз надевал гвардейское обмундирование и снаряжение и также остался им вполне довольным.

Вскоре об этих испытаниях узнали в столице. Многие издатели-ловкачи быстро запустили в продажу ура-патриотические картинки с изображением царя-солдата, марширующего по просторам России.

Николай II, «крайне скромный и простой в своей частной жизни»¹⁴, в качестве домашней одежды предпочитал лаконичный и скромный военный стиль. Начальник канцелярии Министерства императорского двора указывал: «Николай II, правда, надевал дома красные крестьянские рубахи и даже дал их, под мундир, стрелкам императорской фамилии»¹⁵. Обыкновенно такую рубаху, украшенную золотыми погонами и вензелями, император носил с широкими шароварами, мягкими сапогами, а голову покрывал шапкой офицера лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона. В более холодное время поверх рубашки надевал офицерскую светло-серую тужурку, обессмерченную Валентином Серовым.

Александра Федоровна тоже не любила роскошь и русскую великосветскую праздность. Выросшая в одной из самых скучных и консервативных монарших семей Европы, она до последних дней оставалась верна ее жестким правилам. «Во многих отношениях государыня была викторианкой, – писала Лили Ден. – Вместе с бабушкой (королевой Викторией. – О.Х.) она разделяла приверженность закону и порядку, верность семейному долгу, неприязнь ко всему «модernовому». Свойственна была ей и расчетливость Кобургов, которая так раздражала светскую чернь»¹⁶.

Царица предпочитала скромные пастельные тона, прекрасно подходившие тону ее мраморного точеного лица и всей ее статной и собранной фигуре. Излюбленными от-

¹⁴ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – Москва: Современник, 1991. – С. 135.

¹⁵ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 84.

¹⁶ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 36.

тенками были гриперлевый, нежно-голубой, бледно-фиисташковый, шафрановый, сиреневый, светло-розовый, а также лиловый, доминировавший в ее гостиной.

Весьма сдержанно относилась она к модным новинкам. Терпеть не могла фривольные шмиз а' la directoire с завышенной линией талии и слишком смелым декольте. Императрица не видела смысла в «хромающих» юбках, придуманных диктатором моды французом Полем Пуаре. Она считала неприемлемым экзотический гаремный стиль, не понимала, как дамы могут носить пестрые платья-халаты в китайском вкусе.

Царица предпочитая строгие и слегка консервативные платья с красиво ниспадающими складками, визуально удлинявшими ее

фигуру. В них она выглядела элегантно и даже монументально. Своим пристрастием к строгим туалетам она нередко вызывала возмущение у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, известной любительницы многоцветья и рюшней. Ольга Александровна сообщала: «Маме (Марии Федоровне. – О.Х.) нравились броские, с отделкой платья, причем определенных цветов. Она никогда не учитывала вкусы самой Алики (Александры Федоровны. – О.Х.). Зачастую мама заказывала платья, но Алики их не носила. Она прекрасно понимала, что ей идут платья строгого покроя»¹⁷.

**Николай II
в окружении семьи.**
На императоре –
любимая малиновая
рубаха стрелков
Императорской
Фамилии.
Фotoоткрытка.
Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

¹⁷ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 239.

**Николай II
на Красносельских
маневрах.**
На нем – офицерский
китель образца
1907 г.

Фотооткрытка.

Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Николай II
и великий князь
Николай Николаевич
младший.**

Фотооткрытка.

1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Во время Высочайших выходов Александра Федоровна надевала парадные, но не слишком роскошные и броские наряды. В особо торжественные дни она облачалась в традиционное придворное «русское» платье, прозванное «императорскими доспехами» за тяжесть и неудобство. В нем она присутствовала на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых. Фрейлина Анна Вырубова сообщала: «Несмотря на усталость, государыня была по-

разительно красива в своем голубом бархатном русском платье, с высоким кокошником и фатой, осыпанном жемчугами и бриллиантами; на ней была голубая Андреевская лента»¹⁸.

Помимо парадных платьев в гардеробе императрицы хранились формы тех полков, шефом которых она была. Мундиры ей, бесспорно, шли.

В домашней обстановке царица носила удобные, красивые, но недорогие вещи, чрезвычайно простое, скромное белье из тонкого полотна с незатейливыми, но искусными вышивками. Императрица старалась обходиться без помощи служащих. По утрам самостоятельно принимала ванну, прибирала волосы, сидя перед зеркалом в легком шелковом японском кимоно. В дневных нарядах также ощущалось влияние сдержанного и расчетливого викторианства. Царица предпочитала белые хлопковые или шерстяные платья, ансамбли из строгой блузки и юбки, а также чайные платья для традиционного «файф-о-клок». Лили Ден оставила описание одного из подобных нарядов:

«Государыня была одета в белое. Шляпка драпирована белой вуалью. У нее было нежное белое лицо, но, когда она волновалась, щеки ее покрывались бледно-розовым румянцем. Рыжевато-золотистые волосы, синие глаза, наполненные печалью. Гибкий, тонкий, как тростинка, стан. На шее великолепное жемчужное ожерелье. При каждом движении головы в бриллиантах ее серег вспыхивали разноцветные искры. На руке простой перстенек с эмблемой свастики — излюбленным ее символом возрождения, — с которой впоследствии было связано множество всяких до- мыслов и предположений, будто Императрица была склонна к оккультизму. Эти неумные люди просто не понимали, что на самом деле значила для нее эта эмблема»¹⁹.

В холодное время Александра Федоровна надевала шерстяные и бархатные платья с небольшим количеством ювелирных укра-

¹⁸ Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 143.

¹⁹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 22.

Императорская чета
в окружении
офицеров
лейб-гвардии Уланского
Ее Величества полка
во время празднования
юбилея полка.
Фототипия. 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

шений. «Императрица тогда была в ожидании наследника (имеется в виду январь-февраль 1904 года. – О.Х.), – писала Анна Вырубова. – Помню ее высокую фигуру в темном бархатном платье, опущенном мехом, скрадывающем ее полноту, и длинном жемчужном ожерелье»²⁰.

Хоть императрица и считала каждую копейку, любила экономить даже на собственном гардеробе, она пользовалась услугами самых дорогих именитых закройщиц. Неприлично дорого стоили наряды у мадам Бризак, но отказаться от услуг этой ловкой, хитрой и талантливой мастерицы Александра Федоровна была не в силах. Мадам вместе с мужем Альбером владела дамской портновской мастерской «Бризак», находившейся в доме № 8 на Малой Конюшенной улице. Сюда стекались заказы от всех самых требовательных столичных модниц. Бризаки обслуживали чопорных

светлейших княгинь, графинь и герцогинь, разбиравшихся во всех тонкостях парижского стиля, театральных див, желавших поразить публику каким-нибудь фантастическим нарядом. Ее услугами пользовались и великие княгини, стремившиеся перещеголять друг друга новинками «от мадам Бриссак». Скромный и деловитый Альбер занимался финансами. Его неутомимая супруга, умевшая гениально убеждать и мило забалтывать, с утра до вечера хлопотала с клиентками и неусыпно контролировала работу мастериц, количество которых достигало внушительно цифры 60. Мать Вениамина Каверина, трудившаяся под началом мадам Бризак, рассказывала:

«И вот работаю я года три, научилась не хуже других, сижу на сарафанах – это была такая парадная форма, из бархата лилового, голубого и желтого цвета. Сижу я на сарафанах, а нужно так шить, чтобы примерка была без булавок – как надела платье, так и сняла. А жалованья мне платят восемь с полтиной.

²⁰ Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. – М: Советский писатель, 1991. – С. 14.

**Императрица
Александра
Федоровна
в придворном
платье.**

Фототипия по снимку
ателье «Boissonnas et Eggler».
Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Я прошу: “Мадам Бризак, – наша начальница была мадам Бризак, – я работаю третий год и на княгиню Юсупову шью полгода”. А она мне говорит: “Девочка, ты прибавки от меня не дождешься. Не годится быть такой гордой, ты очень бедная и очень серая”. Я прихожу к мастерницам, а они спрашивают: “Ты ей руку поцеловала?” – “За что? За мою работу?”. А старшая услышала и говорит: “Ты молоденькая, живешь на заводе, у вас волнения, и я тебе советую держать язык за зубами”²¹.

Бризаки были настоящими семейными закройщиками Романовых. Их платья с большим удовольствием носила императрица

²¹ Каверин В. А. Открытая книга. – Минск: Юнацтва, 1988. – С. 76.

Мария Федоровна. Затем супругов включили в список придворных поставщиков императрицы Александры Федоровны. «Вся одежда, начиная от матросок, которые носили маленькие Великие Княжны, до платьев и манто, которые они носили, будучи молодыми девушками, выпускались Домом А. Бризак», – утверждал его последний владелец Рене Бризак.

Счета, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, свидетельствуют о том, что мадам ежемесячно получала от императрицы приличные суммы – примерно по 6-9 тысяч рублей²². Но ее жадность не знала пределов. Иногда желание выгадать, усыпить бдительность великолкняжеских клиентов приобретало комические формы. Лили Ден, пользовавшаяся услугами расчетливой законодательницы мод, вспоминала:

«Это была высокая смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дорогоизнину ее услуг. Бриссак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: “Прощу Ваше Императорское Высочество никому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я сделаю скидку”. Позднее Алики рассказывала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Бриссак ответила: “Прощу Вас, Ваше Императорское Величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для Вашего Величества”. Мы с Алики от души расхохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на нас заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге»²³.

Дом «А. Бризак» просуществовал до 1917 года. После Октябрьской революции он был закрыт, а владельцы эмигрировали на родину, во Францию, оставив в обнищавшем proletарском Петрограде склады, переполненные мехами, кружевами и великолепным текстилем, а еще недвижимость, драгоценности, картины...

²² РГИА.Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 1. л. 5, И, 22,42,57,87.

²³ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – Спб: «Нева», 2003. – С. 261 – 262.

Среди других домов, являвшихся поставщиками Его Императорского Величества, были салон «Мадам Ольга», принадлежавший Ольге Николаевне Бульбенковой, мастерская дамского портного Павла Ивановича Китаева, располагавшаяся на Невском проспекте в доме № 68, модная мастерская Надежды Петровны Ламановой-Каютовой, находившаяся в Москве. Поставщиком Александры Федоровны являлся и прославленный английский дом моды Redfern, клиентами которого были королева Виктория, принцесса Уэльская, королева Дании и королева Португалии. В списках заказчиков можно найти королеву эллинов Ольгу Константиновну и великую княгиню Марию Павловну, супругу Владимира Александровича. Впрочем, даже у Redfern бывали «проколы». Великая княгиня Ксения Александровна писала: «Вот-с 212 р. Redfern здесь, поэтому я ему же дам переделывать платье покороче — оно чрезвычайно не впору!»²⁴.

Александра Федоровна весьма внимательно подходила к выбору тканей. В 1902 года ее верным поставщиком стал купец Василий Иванович Костинский. Его магазин, знакомый многим именитым и богатым петербуржцам, находился на Большой Конюшенной улице в доме № 13 и предлагал лучший выбор шелковых и шерстяных тканей, а также высококачественную хлопковую пряжу. Кутчиха Алиса Александровна Гиссер, занесенная в списки поставщиков Ее Величества в 1904 году, снабжала императрицу лучшим бельем, английским и французским, а также драгоценными кружевами, шитыми и плетеными. Ее салон «Галантейная торговля. И Труфанова» располагался на улице Гоголя²⁵ и занимал несколько домов, с № 1 по № 9. Меха поставлял первой гильдии купец Павел Иванович Лелянов. У Николая Андреевича Ниссена августейшая семья покупала дорожные вещи. В 1913 году поставщиком Ее Величества стал и Генрих Дальберг,

известный торговец вязаных и трикотажных изделий. Шляпки самых разнообразных фасонов, а также искусственные цветы изысканных форм и оттенков приобретали в магазине Матрены Платоновны Поповой на Караванной улице.

У царицы часто болели ноги, и она могла носить лишь мягкие, легкие туфельки с длинными чуть заостренными носками. Атласной она предпочитала замшевую обувь золотистого, шафранового оттенков или цвета слоновой кости.

В списке императрицы значатся и два парикмахера — Павел Петрович Пинассо и Генри (Анри) Генрихович Делькроа. Впрочем, к их услугам Александра Федоровна прибегала в особых случаях, в домашней же обстановке предпочитала укладывать волосы самостоятельно. Лили Ден свидетельствовала:

**Императрица
Александра
Федоровна
в форме полковника
лейб-гвардии
Уланского
Ея Величества полка,
шефом которого
она была.**
Пресс-фото 1920-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

²⁴ Ксения Александровна, вел. кн. Письмо Оболенской А. А., б. д. («Вот-с 212 р. Redfern здесь...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. — [Т. XIV]. — С. 526.

²⁵ Малая Морская улица в 1902 году была переименована в улицу Гоголя.

«Ее рыжевато-золотистых волос никогда не касались щипцы для завивки, прическу она предпочитала самую простую и лишь для праздников и важных приемов изменяла своей привычке и позволяла себе более замысловатую»²⁶.

Императрицу сложно было уличить в чрезмерном внимании к себе. На прически и макияж она тратила минимум времени, не полировала ногтей – маникюр не любила ни она, ни ее муж. Однако Александра Федоровна прекрасно разбиралась в парфюмерии, предпочитала тонкие, цветочные ароматы, в том числе запах сирени и ландыша, прекрасно подходившие ее сдержанным элегантным нарядам. «Ее Величество любила всякие цветы, – вспоминала Лили Ден, – но в особенности лилии, магнолии, глицинии, рододендроны, фрезии и фиалки. Любовь к цветам сродни любви к духам, и Ее Величество не была исключением. Из духов она предпочитала “Белую Розу” парфюмерной фирмы “Аткинсон”. Они, по ее словам, были прозрачными, без всякой примеси, и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала “Вербену”»²⁷.

Александра Федоровна имела обычай одаривать приближенных модными сувенирами, в полной мере соответствовавшими ее понятиям о скромности и бережливости. Лили Ден свидетельствовала: «Русские аристократы никак не могли взять в толк, с чего это их императрице вздумалось вязать шарфы и шерстяные платки и дарить им эти вязаные изделия или же отрезы на костюмы. У них было совершенно другое представление о том, каким должен быть царский подарок»²⁸.

Царские дети первые официальные платья надевали еще во младенчестве – через две недели после рождения. Они представляли собой голубые (для мальчиков) и розовые (для девочек) рубашечки с рюшами и шелковыми лентами. Во время торжеств младенца кладли на золотую парчовую подушку, а чтобы дитя не простыло, покрывали роскошной мантией

с горностаевым подбоем. При крещении царственные младенцы получали первые регалии. Цесаревичу Алексею, к примеру, поднесли ленты и сияющие звезды российских орденов, среди которых высшим был св. Андрей Первозванный. На царских дочек возложили знаки ордена св. Екатерины.

Повседневные костюмы царских детей были такими же скромными, как и родительские. Малышей одевали в белые хлопчатые или шерстяные платьища с заниженной линией талии, подпоясаные кушачком. Обыкновенно их украшали английской вышивкой, батистовыми рюшами и кружевами. Так как по традиции эти наряды одевали и девочки и мальчики, царская семья выгодно экономила. Платьища старших сестер донашивали младшие. Во времена загородных прогулок в холодное время года дети надевали синие бархатные или белые пуховые пальтишки, пуховые токи и муфточки. С четырех лет царские дочери носили более взрослые, «женские» платья с более длинным подолом, кокеткой, буфонированными рукавами. С 11–12 лет их наряды все больше повторяли материнские. Зачастую Александра Федоровна сама подбирала их фасоны и расцветку. Вновь обратимся к воспоминаниям Лили Ден: «Ее Величество, не желая баловать дочерей, сама выбирала и заказывала им платья. В детстве девочки одевались одинаково, но затем две старшие Великие княжны стали носить похожие платья, а младших одевали, так сказать, подстать их сестрам»²⁹.

В изящных, но весьма скромных нарядах царские дочки неизменно вызывали у публики прилив верноподданнических чувств. Владимир Николаевич Воейков был тому свидетелем: «Великие княжны очаровывали всех своими приветливыми улыбками; их появление в открытом моторе государя, в белых платьях, с красными соломенными шляпами, до того наэлектризовало публику, что шофер моего мотора – Павел – должен был проявить громадное искусство, чтобы не отставать от авто-

²⁶ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 42.

²⁷ Там же С. 44.

²⁸ Там же С. 36.

²⁹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 52.

мобиля Его Величества, к которому кидалась толпа, крича ура и бросая вверх шапки»³⁰.

Цесаревич Алексей до 4 лет носил хлопковые и шерстяные платьица с кушачком. Затем его стали одевать в русские рубашечки и шаровары, а также в популярный в то время матросский костюм и бескозырку. При рождении мальчика зачислили в добрый десяток гвардейских частей и назначили шефом нескольких гвардейских и армейских полков. В пять лет он получил свои первые шефские мундиры, которые надевал во время придворных церемоний, парадов и полковых праздников.

Сестры Алексея Николаевича также состояли шефами гвардейских и армейских частей и потому имели право носить соответствующие мундирные платья. «Великие княжны очень гордились и своими мундирами, и полками своего имени. Они всегда присутствовали на парадах, надев форму собственных полков, что неизменно доставляло им огромное удовольствие»³¹, – вспомниала Лили Ден.

Минимум несколько раз в год Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия облачались в «императорские доспехи» – парадные «русские» платья из серебряной парчи. Лицо изящно оживала лента ордена св. Екатерины. Эти наряды они не жаловали за их тяжесть и неудобство и, подобно маме, предпочитали легкие, элегантные, скромные и современные одежды, соответствовавшие стремительному и спортивному веку.

На семейных фотографиях дочери запечатлены в простых хлопковых летних платьях и белых шляпах, в матросках с гюйсами или шелковыми воротничками в горошек. Осенью и холодной весной они надевали элегантные шерстяные костюмы приглушенных тонов, строгие английские троттеры³² и шляпки-токи³³ с эспри³⁴, «американские» блузы с плот-

Императорская чета с новорожденной великой княжной Ольгой.
Фототипия. 1895 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Алексей Николаевич.
Фототипия по снимку
ателье «К. Е. фон Ган и Ко»,
1904 г.
Архив О.А.Хорошиловой

³⁰ Воейков В. И. С царем и без царя. – М.: Родник, 1994. – С. 48.

³¹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – Спб: «Нева», 2003. – С.52.

³² Троттер (другие названия – тайер, городской костюм) – дамский прогулочный демисезонный костюм, состоявший из жакета и юбки.

³³ Ток – небольшая женская или мужская шляпа с короткими полями или без полей.

³⁴ Эспри – украшения на гоевых уборах, составленные из небольших перьев.

ными шерстяными юбками. Зимой августейшие красавицы резвились в парках, одетые в теплые двубортные или однобортные пальто, юбки, меховые шапочки и шарфы. Цесаревич Алексей на многих зимних снимках позирует в бекеше и барашковой папахе, сродни тем, которые носили тогда в армии.

**Цесаревич
Алексей Николаевич
с отцом,
императором
Николаем II.**
На мальчике – форма
подпоручика
лейб-гвардии
4-го стрелкового
Императорской
Фамилии батальона.
Фототипия. 1911 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Императрица Александра Федоровна
с сыном Алексеем.**

Фототипия. 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Великая княжна
Ольга Николаевна**
в форме офицера 3-го гусарского
Елизаветградского полка,
шефом которого она являлась.
Фotoоткрытка. 1909-1910 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Внешнему лоску юные красавицы придавали ровно такое же значение, как их мать. Они носили простые, но весьма элегантные прически, предпочитая красиво уложить волосы, подобрав их шелковой «греческой» лентой. Подобно Александре Федоровне, девочки предпочитали легкие цветочные ароматы фирмы «Coty»³⁵. Ольга обожала парфюм «Rose Thé», Татьяна – «Jasmin de Corse», Мария в своих ароматических пристрастиях копировала мать, пользуясь парфюмом «Lilas». Анастасия использовала «Violette». Именно эти ароматы от «Coty» вслед за царской семьей начали употреблять великосветские девушки, аристократки и горожанки. В сущности, мода начала XX века на цветочные запахи пришла в Россию благодаря императрице и ее благоухающим сиренюю и фиалками дочкам.

Семья Николая II была достаточно спортивной. Все ее члены любили проводить свободное время на воздухе. Император обожал охоту и страсть эту унаследовал от своего отца, Александра III. Благородному хобби царя по-тврствовали сотни придворных чинов, числившихся в Управлении императорской охоты при Министерстве императорского двора. Они заботились о том, чтобы монарх отлично провел время в лучших фамильных угодьях – Спалье, Беловеже, Гатчине, Царскославянском лесу, финских шхерах... Николай II обыкновенно облачался в охотничий костюм, напоминавший егерский – однобортную или двубортную куртку типа тужурки из плотной шерсти оливкового, песочного оттенков или цвета «маренго», широкие шаровары, заправленные в мягкие высокие сапоги. На дичь охотился в английской куртке-«норfolk» с кокеткой и удобными накладными карманами. До и после охоты император накидывал пальто или плащ. В качестве головного убора чаще всего носил круглую башмачковую шапку с суконным верхом, а также мягкую фетровую шляпу или кепку.

Вторым увлечением императора был байдарочный спорт. Лили Ден отмечала: «Излюбленным его (Николая II. – О.Х) развлечением

³⁵ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 51.

**Великая княжна
Ольга
Александровна**

позирует у своих картин.
Обложка журнала
«Новое время». 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Алексей
в бекеше
за уборкой снега.
Царское Село.
Фототипия. Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Императорская семья.

Фотооткрытка.

Нач. 1910-х гг.

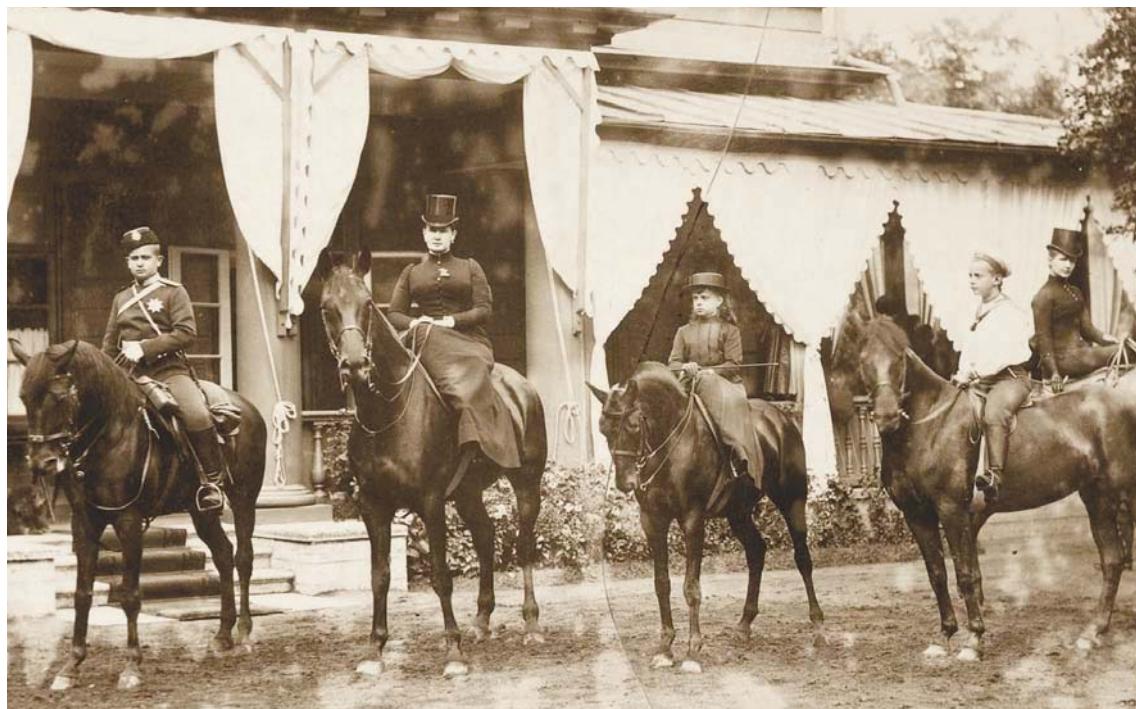
Архив О.А.Хорошиловой

была гребля. Он любил байдарку и каноэ. Когда императорская семья отдыхала в финских шхерах, государь, бывало, проводил на воде ценные часы³⁶. Монарх сильно и легко вел байдарку, без труда набирая скорость. Активным и резким движениям ничто не должно было мешать, потому он надевал простую, удобную и нежаркую одежду. Часто свой выбор он останавливал на малиновой рубашке стрелков Императорской Фамилии, темно-зеленых шароварах и шапке-«боярке», тулью которой украшал ополченческий крест, знак лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона. Греблей увлекались и дети императора. Маленький Алексей помогал отцу управлять байдаркой в милю матросском костюме и бескозырке, на ленточке которой золотилась надпись «Штандартъ». Дочери надевали по такому случаю блузы, шерстяные куртки и юбки, от ветра и речной прохлады их головы защищали вязаные колпаки, совсем как у гномов. Если же было жарко, они предпочитали легкие белые льняные или хлопковые костюмы, прикрываясь от солнца канотье или легкими шляпами с кроткими полями и высокой тульей.

³⁶Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 60.

Поистине семейной игрой был лаунтеннис. Как только у императора выдавалось время, весной или летом, он вместе с детьми, супругой, ее верной спутницей Анной Вырубовой и парой офицеров отправлялся не теннисный корт. Подвижная игра требовала соответствующей одежды. Императрица и дочери надевали легкие белые платья или блузы с юбками, голову покрывали шляпами, канотье или панамами. На ногах – традиционные для этой игры парусиновые тапочки, тенниски, затянутые шелковыми шнурками. Мужской костюм состоял из английской рубашки с отложным воротником (рукава как правило подворачивались до локтя), брюк из белого полотна или тонкой шерсти (обязательно с манжетами). Иногда его дополнял широкий спортивный пояс. На ноги надевали парусиновые тенниски.

Вместе занимались греблей, играли в теннис и бадминтон. Вместе и купались. В каждой приморской императорской резиденции были прибрежные купальни – шатры для переодевания и трапы со специальными тросами поручами, уходившие в воду. Плавали в специальных трикотажных костюмах в полоску, иногда император и цесаревич разоблачались до кальсон и купались в них. Фотографии лич-

**Великая княгиня
Мария Павловна**

и другие представители
императорской семьи
выезжают на конную
прогулку.

Фотоателье братьев де Йонг.
Нач. 1890-х гг.
Электронная библиотека
«Галлика»

ного характера свидетельствуют также о том, что император не прочь был поплескаться в волнах обнаженным.

Костюмы родственников императора во многом напоминали вышеописанные. Крестили новорожденных в похожих рубашечках и чепчиках. Князь императорской крови Гавриил Константинович приводит описание своего одеяния: «После погружения в купель меня положили на пеленальный стол, который был поставлен тут же, в церкви, за ширмами. Там на меня надели серебряное платье “декольте”, со шлейфом и кружевами, и серебряный чепчик, также с кружевами и голубыми лентами. Государю подали кружевную подушку и положили меня на нее. Зимой мы носили бархатные пальто, похожие на боярские кафтаны, отороченные соболем, собольи шапки с бархатным верхом, гамаши и варежки на резинке, малинового цвета. Наши пальто были очень красивы и передавались от старших – младшим»³⁷.

К четырем годам гардероб великих князей пополнялся шелковыми рубашечками с кушаками и ловкими сафьяновыми сапожка-

**Члены
императорской
фамилии**

во время охоты
в Скерневицах.
Фotoоткрытика.
Кон. 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

ми. Мальчишки любили дополнять этот наряд какими-нибудь полувоенными вещицами. Гавриил Константинович, к примеру, носил турецкую феску: «Я ходил по комнате в малиновом халатике и красной феске, потому что мне остригли волосы. После крестин ко мне зашли император Александр III и императрица Мария Федоровна. Я до сих пор помню их стоящими в дверях между столовой и моей комнатой. Я вынынул висевшую у меня через плечо игрушечную шашку. Государь спросил меня: “Кто ты такой?”. Я ответил: “Турка”»³⁸.

³⁷ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. – СПб: «Голубой всадник», 1993. – С. 17-18.

³⁸ Там же. С. 19-20.

**Великий князь
Александр
Михайлович
с супругой
Ксенией
Александровной.**
Нач. 1910-х гг.
Flickr.com

Ложась спать, мальчики и девочки надевали длинные, почти до пола белые рубашки, скрупно украшенные английской вышивкой.

В семь лет великие князья, как и цесаревич, становились шефами полков и по этому случаю получали от отцов красивые мундиры. Великий князь Александр Михайлович не без удовольствия вспоминал свою первую парадную форму: «Радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет. среди многочисленных подарков <...> я нашел форму полковника 73-го пехотного Крымского полка и саблю. Я страшно обрадовался, так как сообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой, розовой, шелковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму. Мой отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Конечно, мне иногда позволяют, если я буду послушным, надевать эту блестящую форму. Но прежде всего я должен заслужить честь носить ее приложением и многолетним трудом»³⁹.

³⁹ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – С. 14.

С юности великие князья и княгини, а также князья и княгини императорской крови, носили одежду, напоминавшие взрослые. Мальчики привыкали к мундирям, учились красиво в них двигаться и сидеть. Девочки своим внешним видом практически не отличались от императорских дочерей, во время торжеств они тоже облачались в серебряные «императорские доспехи».

Когда наставало время жениться, великий князь вместе с родительским благословением получал и приданое, традиционно состоявшее из четырех дюжин сорочек иочных рубах, а также ночной халат из серебряной парчи, весивший шестнадцать фунтов. Великому князю Александру Михайловичу пришлось надеть его, чтобы соответствовать придворным правилам. «Церемониймейстер объяснил мне, – пишет он, – что этот халат и туфли по традиции должен надеть новобрачный перед тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены <...>. Проходя в спальню к жене, я увидел в зеркале отражение моей фигуры, задрапированной в серебряную парчу, и мой смешной вид заставил меня снова расхохотаться. Я был похож на оперного сultана в последнем акте»⁴⁰.

Во время венчания великие князья и князья императорской крови были в мундирах тех полков, в которых состояли или над которыми шефствовали. Подвенечное платье великих княгинь и княжон весьма напоминало традиционное придворное. Однако если избранницы великих князей имели право идти под венец в бриллиантовой короне, то невестам князей императорской крови этого не полагалось.

Взрослые великие князья чаще всего носили мундиры, их сестры и супруги, следя за модой, предпочитали одеваться у лучших столичных и европейских портных – Гиндус, Бризака, Пуаре, Редферна, Уорта.

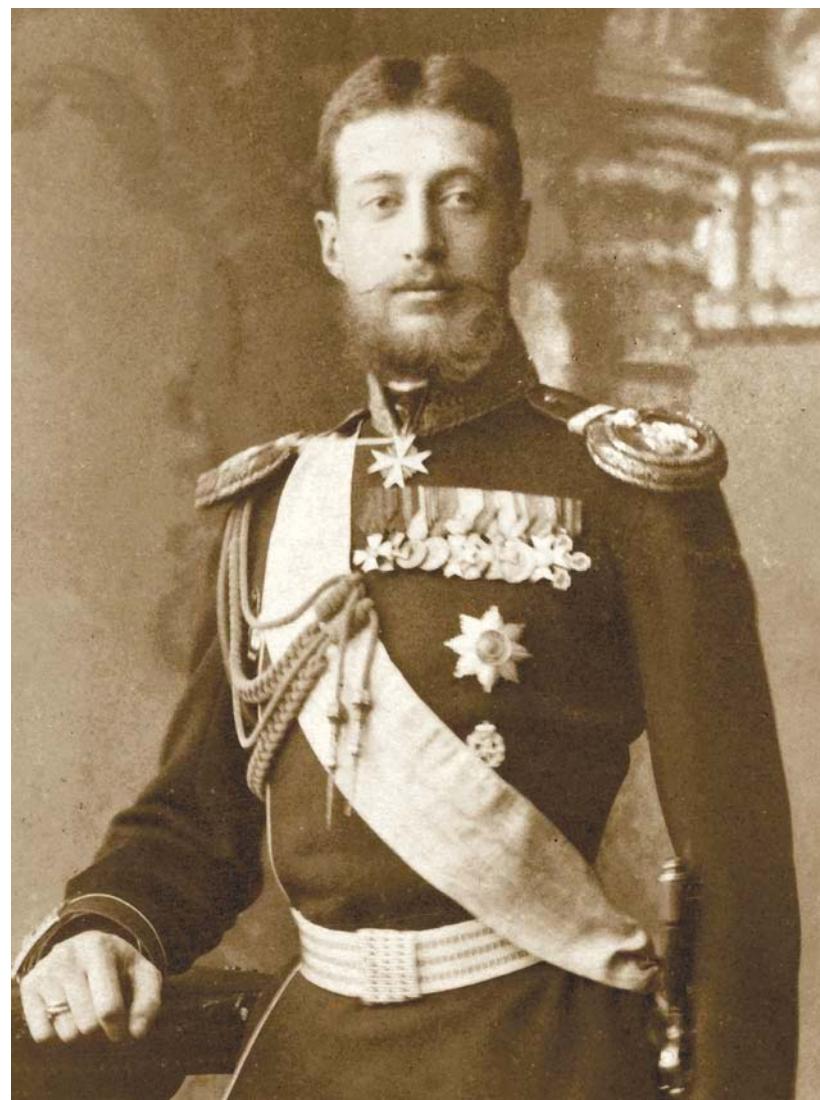
Впрочем, в этой блестательной стилистике безупречной семье были свои оригиналы. К примеру, великий князь Николай Константинович и его супруга, Надежда Александровна

⁴⁰ Там же. С. 109–111.

Дрейер, настоящие короли эпатажа. Княгиня Мария Барятинская свидетельствовала: «Одевался он (великий князь Николай Константинович. – О.Х.) самым эксцентричным образом. Голову и лицо начисто выбирал и носил очки. Наряд его состоял из красной рубашки, черного бархатного костюма и, что зимой, что летом, шапки из котика. Любимым его цветом был красный, и он доминировал в его окружении. Его дом, коляски, ливреи слуг, даже упряжь у его лошадей – все было ярко-красного цвета»⁴¹.

О нарядах супруги опального великого князя Барятинской писала следующее: «Госпожа Искандер (Надежда Александровна Дрейер. – О.Х.) была одной из самых эксцентричных и необычных женщин, которых мне довелось встречать. Она носила самую необычную одежду, как правило совершенно неподходящую для ситуации. Так, например, она появлялась днем в вечернем платье, расшитом пайетками, с диадемой на голове, с большим алмазным колье, сверкающим на груди. Одежды ее всегда отличались самыми яркими, пестрыми красками. Ее приемы были больше чем необычными. Однажды она меня особо пригласила. Меня провели в полутемную комнату в мавританском стиле, где я почувствовала себя весьма неловко. Меня встретила огромная борзая, громко лаявшая, она всегда ходила по пятам за хозяйкой. На этот раз на госпоже было красивое шелковое платье с длинным шлейфом. Вся комната была устлана коврами, в которых тонула нога, так что не было слышно ни звука, кроме шелеста ее шелкового платья»⁴².

Таких эксцентриков, как великий князь Николай Константинович, в семье Романовых, пожалуй, не было. Тем не менее, большинство ее членов были склонны к мягкой театральности и маскараду. По традиции в первые месяцы нового года устраивались костюмированные балы и милые семейные театральные представления. Некоторые члены императорской фамилии были пылкими поклонниками

Талии и Мельпомены. Александр Александрович Половцев указывал на то, что «великий князь Дмитрий Константинович не дурен в комической роли», но пальму первенства в этом состязательном августейшем искусстве он отдавал Павлу Александровичу, младшему сыну Александра II. Великий князь Константин Константинович не только сочинял стихи, но и выступал в качестве актера на импровизированной сцене офицерского собрания лейб-гвардии Измайловского полка, а также в Эрмитажном театре. Он пробовал себя и в роли режиссера, а во время работы над постановкой драмы собственного сочинения «Царь Иудейский» принимал живое участие в проектировании сценических костюмов и грима.

**Великий князь
Константин
Константинович**
в мундире
лейб-гвардии
Измайловского полка.
Под мундир, вероятно,
надет корсет.
Фотоателье
«Везенберг».
Кон. 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

⁴¹ Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

⁴² Там же.

Великий князь Константин Константинович в роли Иосифа Аrimafeyskogo. Костюм 1-го действия.	Великий князь Константин Константинович в роли Иосифа Аrimafeyskogo. Костюм 2-го и 3-го действия.	Князь императорской крови Игорь Константинович в роли Руфа. Фототипия. 1914 г.	Император Николай II в костюме царя Алексея Михайловича.
Фототипия. 1914 г. Архив О.А.Хородиловой	Фототипия. 1914 г. Архив О.А.Хородиловой	Фототипия. Архив О.А.Хородиловой	13 февраля 1903 г. Фотоателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Архив О.А.Хородиловой

Самым грандиозным, фантастическим, блестательным маскарадом, устроенным семьей Романовых, стал костюмированный бал в Зимнем дворце, состоявшийся 11 и 13 февраля 1903 года. Его темой была выбрана эпоха царя Алексея Михайловича, памятная своими фантастическими богатыми парчовыми костюмами, собольими шубами, горлатными шапками, своей восточной любовью ко всему роскошному и драгоценному. Николай II не был первым российским императором, решившимся на такое дорогостоящее костюмное представление. Один из первых исторических балов, главной темой которого был русский XVII век, состоялся 9 февраля 1849 года в Москве в доме генерал-губернатора Арсения Андреевича Закревского.

Он назывался «Англия и Россия». При императоре Александре III исторические маскарады вошли в моду, а вместе с ними и эпоха Алексея Михайловича. В 1883 году великий князь Владимир Александрович устроил в своем дворце бал во вкусе XVII века. Его участники кропотливо готовили костюмы и привлекли к работе не только лучших портных, но и специалистов в области истории русского быта. Однако их наряды не могли сравниться с теми, которые заполнили галереи Эрмитажа и залы Зимнего дворца в феврале 1903 года.

Прежде чем создать костюмы, следовало изучить эпоху царя Алексея Михайловича. Обратились к ведущим специалистам в этой области – историкам, этнографам. Начались

**Великий князь
Николай Николаевич
младший**
в наряде
начальных людей
«копейщиков» конца XVII в.
Фототипия. 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Великий князь
Борис Владимирович**
в наряде начальных людей
«копейщиков» конца XVII в.
Фототипия. 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

поиски информации – в книгах по истории быта и костюма, мемуарной литературе, в богатейших архивах Императорской академии художеств. Наконец, собрав необходимый материал, приступили к проектированию нарядов для предстоящего торжества. Главную роль в этом процессе играл модный в то время художник Сергей Сергеевич Соломко, один из знатоков русского исторического костюма. Облачение императора (выступавшего в роли царя Алексея Михайловича) разрабатывали директор Эрмитажа Иван Александрович Все-воложский и художник Евгений Петрович Пономарев. Шили наряды в лучших мастерских, среди них – модная мастерская Н. П. Ламановой, мастерская И. И. Каффи, дом А. Бризак.

Кроме того, некоторые детали, аксессуары, дополнившие царственный облик, происходили из XVII века. Так, запястья императора Николая II украшали поручи, осыпанные жемчугами. В руке он держал жезл Алексея Михайловича. Всего из Оружейной палаты Московского Кремля в Петербург было доставлено 38 оригинальных предметов, участвовавших в бале.

Мероприятие растянулось на два дня. 11 февраля состоялся вечер, во время которого гости приветствовали императорскую чету «русскими» поклонами, насладились концертом в Эрмитажном театре и танцевали «Русскую» в Павильонном зале. Костюмированный бал прошел 13 февраля в Концертном зале и завершился торжественным вечерним ужином в Николаевском зале.

В маскараде участвовало множество персонажей XVII века. Императрица играла роль супруги царя, Марии Ильиничны. «Ксения была в наряде боярыни, – вспоминал великий князь Александр Михайлович, – богато вышитом, сиявшем драгоценностями, который ей очень шел. Я был одет в платье сокольничего, которое состояло из белого с золотом каftана, с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог. Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи

XVII века»⁴³. Великая княгиня Мария Георгиевна нарядилась «крестьянкой из Торжка». Княгиня Екатерина Владимировна Голицына была одета «боярыней», а ее супруг, Дмитрий Борисович Голицын – «начальником царской охоты» (он занимал аналогичную должность при дворе Николая II). Великий князь Николай Николаевич младший представил в роли «копейщика». Офицеры-конногвардейцы красовались в малиновых костюмах сокольничих... Владимир Николаевич Воейков был поражен неожиданно преобразившимся Эрмитажным театром: «Впечатление получалось сказочное от массы старинных национальных костюмов, богато украшенных редкими мехами, великолепными бриллиантами, жемчугами и самоцветными камнями, по большей части в старинных оправах. В тот день фамильные драгоценности появились в таком изобилии, которое превосходило всякие ожидания»⁴⁴.

14 февраля часть гостей участвовала в тех же костюмах в маскараде, устроенном во дворце графа Александра Дмитриевича Шереметева.

Этот бал оказался последним в череде сказочных богатых маскарадов российских императоров. После Русско-японской войны и революции 1905 года императорская семья считала неуместным и несвоевременным проводить такие масштабные и дорогостоящие мероприятия. И даже бал 1913 года в честь 300-летия дома Романовых не смог сравниться с маскарадом 1903 года.

В период Первой мировой войны представители августейшей семьи выглядели подчеркнуто скромно – в полном соответствии с обстоятельствами. Великие князья, надев подходную форму, отправились на фронт. Императрица и ее приближенные облачились в костюмы сестер милосердия и часто навещали раненых в открытых на собственные средства госпиталях. Вне службы они носили блузы и шерстяные юбки, а также тайеры.

⁴³ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – Москва: Современник, 1991. – С.174.

⁴⁴ Воейков В. И. С царем и без царя. – М.: Родник, 1994. – С. 24-25.

**Великая княгиня
Виктория Федоровна**
в скромном дневном костюме.
На лифе жакета заметны
Георгиевские медали
4-й, 3-й и 2-й степеней,
полученные
за самоотверженную работу
на передовых позициях.
Фототипия. 1916 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Алексей
в походном
обмундировании
нижних чинов.
Фототипия. 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Великий князь
Николай Николаевич
младший,**
главнокомандующий русской
армией, в походной форме.
Фототипия. 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Костюмы придворных чинов и служителей

Двор Романовых был огромен, сложен по своей структуре и включал в себя множество придворных чинов, мундиры которых своей помпезностью, роскошью и обилием золотой вышивки ничуть не уступали богатым маскарадным костюмам августейших особ.

Придворные чины делились на два ранга. К первому относились: обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-форшнейдер. Они были приравнены к гражданским чинам второго класса. К числу вторых чинов двора принадлежали гофмейстер, шлатмейстер, егермейстер, обер-церемониймейстер, гофмаршал. К ним же относили и должность директора Императорских театров. Они приравнивались к гражданским чинам третьего класса. Помимо них при Дворе состояли церемониймейстеры, соответствовавшие гражданским чинам пятого класса. Камергерам и камер-юнкерам гражданские чины не присваивались.

Существовали и придворные медицинские звания: лейб-медик, почетный лейб-медик, лейб-хирург, почетный лейб-хирург, лейб-акушер, почетный лейб-акушер, лейб-окулист, почетный лейб-окулист, лейб-педиатр, почетный лейб-педиатр, гоф-медик и почетный гоф-медик.

По сведениям «Придворного календаря», в 1911 году штат двора Его Величества включал в себя: одного обер-камергера, семь обер-гофмейстеров, одного обер-гофмаршала, одного обер-шенка, четырех обер-егермейстеров, 80 гофмейстеров, одного гофмаршала, 42 шталмейстера, 18 егермейстеров, двух обер-церемониймейстеров, одного директора Императорских театров, 22 церемониймейстера.

Придворные чины имели множество привилегий. Но, пожалуй, одной из самых почетных был так называемый «выход за кавалергардов». Во время больших Высочайших

выходов чины вместе с высшими государственными сановниками собирались в Концертном зале, расположенному неподалеку от личных покоев императорской семьи. Перед ним выстраивался караул от лейб-гвардии Кавалергардского полка. Собравшиеся в нем гости находились как бы «за кавалергардами», что дало название и самой привилегии. Александр Александрович Мосолов описал встречу императора с придворными чинами: «Шествие начинается. Первые чины двора стоят лицом к государю вплоть до того момента, когда обер-церемониймейстер дает им знак начать “выход”; они шествуют тогда в порядке их ранга по отношению к царю – чем выше орден, тем ближе к Его Величеству. Их Величество следуют, немного отступая, за первыми чинами двора. Сзади государя идут члены императорской фамилии. Затем проходят придворные дамы, сановники разного рода, министры, сенаторы, военная свита. Шествие проходит через Николаевский зал, занятый офицерами гвардейских полков. В дальнейших залах находятся прочие (то есть не имеющие «выхода за кавалергардов». – О.Х.), допущенные на выход лица и именинное купечество, а на хорах – корреспонденты газет»⁴⁵. Процессия двигалась из Концертного в Николаевский зал и далее – к придворной церкви, но допускались в нее лишь императорская чета, великие князья, самые важные сановники и гофмейстеры.

Эти Высочайшие выходы, придворные балы и прочие церемонии с высочайшим участием представляли собой настояще модное дефиле и не оставляли равнодушными даже самых избалованных членов семьи Романовых. Великий князь Александр Михайлович приходил в восторг от обилия золотых мундиров и драгоценной мишурь: «Громадные залы, украшенные зеркалами в золотых рамках, были переполнены сановниками, придворными чинами, иностранными дипломатами, офицерами гвардейских полков и восточными владыками. Их блестящие формы, шитые серебром

⁴⁵ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 194.

**Императрица
Александра
Федоровна.**

Фототипия.

1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

и золотом, являлись великолепным фоном для придворных нарядов и драгоценностей дам»⁴⁶.

Придворные наряды, действительно, превосходно украшали любые высочайшие церемонии. В царствование императора Николая II они включали в себя пять видов: парадный, праздничный, обычновенный, будничный (служебный) и дорожный. Главной и наиболее красивой частью парадной формы был однобортный на девять пуговиц мундир с красным скошенным воротником и великолепными шитьями золотом орнаментами, украшавшими воротник, обшлага, карманы клапаны, фалды. Мундиры первых чинов двора дополняла вышивка по основным швам (на рукавах и по спинке). Их надевали с белыми суконными брюками с золотым галуном.

⁴⁶ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – С. 135.

Впрочем, обер-шталмейтеры, шталмейтеры, обер-егермейстеры и егермейстеры несколько выделялись из общей вызолоченной массы чинов своей особой вышивкой, погонами из золотого витого жгута, а также белыми суконными или лосинными панталонами с ботфортами, роднившими их с военными. Парадный облик дополняла шляпа с белым плюмажем, петлицей и золотым шитьем, аналогичным тому, которое поблескивало на парадных мундирах.

Этот вид формы придворные чины носили во время больших Высочайших выходов, больших дворцовых балов и на торжественных обедах с участием императора, на парадных выездах и в некоторых других случаях, указанных в «Придворных календарях». Были и так называемые «особо торжественные случаи», когда придворным чинам следовало являться в раззолоченных мундирах и белых шелковых кюлотах. И вот тут начинались неприятности, ведь отнюдь не все имели ноги Аполлона. Бальные конфузы с легкой ironией описал Александр Александрович Мосолов:

«Да, у придворного чина ноги не должны были быть ни слишком тонкими, ни слишком толстыми, ни слишком костлявыми: панталоны были только до колен. Сказать правду – некоторые икры не всегда оставались там, где им быть полагалось. Особа вдруг нагибалась и начинала поворачивать свою икру, соскользнувшую на перед ноги. Это была своего рода пластическая операция»⁴⁷.

Мосолов имеет в виду особые накладки на икры, а также на бедра и ягодицы, с помощью которых европейские мужчины уже в XVII веке ловкоправляли то, что казалось им некрасивым или не соответствовало требовательной и ветреной моде. И, безусловно, эти пикантные приспособления не были новинками в начале XX века, даже наоборот, являлись в некоторой степени признаками старомодности и объектом для насмешек и колких замечаний записных остряков. Вероятно, по этой причине

⁴⁷ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 198.

старики-чиновники пытались хитрить и придумывали способы, как не надевать коротких брюк на балы. Мосолов описал один из них:

«Обер-гофмейстер двора князь Репнин, обремененный старостью и подаграми, вошел в министерство с прошением: не будет ли ему разрешено являться в длинных белых штанах, не предусмотренных регламентами? Получилось великое недоразумение: докладывать ли царю это прошение, или разрешить старику белые штаны без ведома Его Величества? Фредерикс был в большом затруднении. Наконец он пошел на компромисс: заговорил о Репнине не во время доклада, а так, при случае. Царь ответил: «Конечно, решайте это сами». А потом вдруг прибавил: «Впрочем, нет... Этим почетным лицам будет неприятно знать, что прошение не было мне доложено... Вы придете, скажете мне, что такой-то жив, хотя и страдает ревматизмом... Я же узнаю с удовольствием, что почтенный придворный предводитель дворянства Киевской губернии собирается на бал, несмотря на свой преклонный возраст. Доклады такого рода много времени не возьмут...»⁴⁸.

Обыкновенно, по мундиру отличить одну придворную должность от другой было достаточно сложно. Помогали аксессуары. К примеру, камергеры у левого карманного клапана мундира носили золотые ключи на андреевской ленте. Обер-камергерские ключи, надевавшиеся на правую сторону, были щедро осыпаны бриллиантами. Отличие обер-церемониймейстеров отметил Александр Александрович Мосолов: «Знаком их должности является жезл – длинная трость черного дерева с шаром из слоновой кости наверху, двуглавым орлом и бантом андреевской ленты»⁴⁹.

Праздничная форма включала в себя вицмундир. По крою он был аналогичен парадному, однако вместо вышивки его украшали золотые галуны: девять по борту, четыре на каждой фалде, три на концах рукавов и один на каждой стороне воротника. С вицмундиром носили белые суконные брюки с

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 199.

**Сергей Балтазарович
Скадовский,**
камергер двора
Его Величества,
в придворном вицмундире.
Сер. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Статский советник,
имеющий придворное
звание и состоящий
в Российском обществе
Красного Креста.
Москва. 1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Лейб-педиатр,
действительный
статский советник
Иван Павлович
Коровин.**

Так как лейб-медиком он стал еще при императоре Александре III, на погонах он носил наложенные вензеля «АIII» и «НIII». Фотоателье «Boissonnas et Eggler», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Тайный советник,
лейб-окулист
Леонид Георгиевич
Белляминов**

в кителе образца 1907 г. На погонах видны вензеля императора Николая II.

1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

галуном, который украшал и темно-зеленые брюки обер-шталмейстеров, шталмейстеров, обер-егермейстеров и егермейстеров. Шляпы для такого рода формы полагались черные с черным плюмажем и галунами (кроме церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров).

Праздничное платье придворные чины надевали во время церковной службы в присутствии императора, на молебны по случаю отъезда монарха и его семьи, при представлениях особам августейшей фамилии и лично государю и так далее.

Обыкновенная форма представляла собой: «Вицмундир, брюки темно-зеленые с галуном; шляпа, как в праздничной форме. Для обер-шталмейстеров, обер-егермейстеров и пр. серые брюки для первых – с красными лампасами, а для последних – с темно-зелеными и красной, по средине оных выпушкой. При сей форме быть без лент»⁵⁰.

В будничную форму входили: мундирный фрак с золочеными пуговицами, черный шелковый галстук и такого же цвета жилет и брюки. Голову украшал цилиндр, а грудь – ордена.

В качестве дорожной формы в 1901 году был введен форменный двубортный сюртук (у обер-шталмейстеров и других вышеперечисленных чинов – с погонами), который носили с черным жилетом, галстуком и брюками, а также фуражкой. В летнее время сюртуки полагались белые, фуражки покрывали белыми чехлами.

Придворные медики не имели особой формы. Однако те из них, кто состоял по Военному ведомству и носил форму, украшали свои узкие серебристые погоны вензелями Николая II. Если лейб-медик получил придворное звание еще при Александре III, то этот золотой вензель дополнялся меньшим серебряным – «АIII» под короной. Такие в правление последнего российского императора носили только четыре врача: лейб-медик Николай Александрович Вельяминов, лейб-хирург Николай Александрович Круглевский, лейб-окулист Николай Иванович Тихомиров и лейб-педиатр Иван Павлович Коровин.

В придворный штат входили и так называемые придворные служители, тоже разделявшиеся на ранги. К высшим относились: камер-фурьеры, гоф-фурьеры, камердинеры, мундшенки, кофешенки, тафельдекеры,

⁵⁰ Придворный календарь. – СПб, 1911. – С. 431.

кондитеры и метрдотели. Камер-фурьеры заведовали прислугой, скрупулезно фиксировали все происходящее при дворе в особых камер-фурьерских журналах, а также помогали обер-церемониймейстеру в его нелегкой работе. В качестве парадного платья они носили малиновые ливрейные фраки со срезанными полами, лиф от линии плеча до талии был сплошь покрыт золотой вышивкой. Золотой бордюр окаймлял нижнюю часть подола, а также украшал борт и низ белого суконного жилета, надевавшегося под мундир. К этому наряду полагались белые (или бежевые) кюлоты и белые шелковые чулки, черные туфли с пряжками и шпага. Обыкновенно «строили» одежду между камер-фурьеров и прочих служителей первоклассные закройщики фирмы «Лидваль и сыновья», золотошвейные работы осуществляла мастерская Владимира Залемана⁵¹.

Камер-фурьеры зачастую назначались из числа гоф-фурьеров, заведовавших прислугой. Они носили весьма похожее парадное платье, но вышивка по лифу была раза в два уже. Камер-фурьерами могли стать и камердинеры, придворные служащие, состоявшие при Высочайших особых, а также при Императорском Эрмитаже.

К высшим служителям относились и придворные официанты, в число которых входили: мундшенки, кофешенки, тафельдекеры, кондитеры и метрдотели.

При дворе состояло множество низших служителей: камер-казаки, камер-лакеи, скороходы, вершники, арапы... Они все носили чрезвычайно богатую и не лишенную экзотики одежду. Камер-казаки сопровождали императорскую семью во время больших и малых выездов, а также были личными телохранителями августейших особ. Их форма напоминала казачью. Чекмень (синий или красный) расширялся золотыми бранденбургами с пышными кистями, а также гербовыми галунами. Бешмет (такого же цвета, как и чекмень) украшен гербовым галуном по вороту и вдоль застежки. Сэтим нарядом камер-казаки носили шаровары

(навыпуск или заправленными в сапоги), а также папаху из черной каракульчи со шлыком, золотыми галунами и золотым этишкетом.

Камер-лакеи не уступали гоф-фурьерам в роскоши костюмов. Они носили темно-зеленые ливрейные фраки. Впрочем, цвет основного материала терялся под искрящимися золотыми гербовыми галунами, покрывающими перед и спинку лифа, окаты рукавов, основные швы и фалды. На правом плече кафтана красовался эполет с короной, грудь украшал золотой аксельбант. С ливреем фраком лакеи носили малиновый жилет, также расшитый галунами, кюлоты, белые шелковые чулки и черные лакированные туфли с пряжками. Праздничной формой служили фраки, украшенные по воротнику и обшлагам гербовым галуном, малиновые жилеты и кюлоты, шелковые гольфы и туфли. С парадной и праздничной формой камер-лакеи носили церемониальную шпагу. Обыкновенная форма включала в себя те же фраки, но с белыми брюками и золотыми галунами по бокам. С будничным костюмом носили темно-зеленые брюки. Была и дорожная форма, состоявшая из двубортного сюртука, воротник и обшлага которого были покрыты гербовым галуном, брюк и фуражки.

Аналогичные костюмы носили придворные скороходы, правда вместо фрака им полагалась ливрея с короткими фалдами, похожая на куртку. Дополнял их торжественный облик экзотический головной убор – остроконечная шапка, напоминавшая гренадерку эпохи Ели-

**Императорская
чета на торжествах
по случаю
100-летия
Бородинской битвы.**

Выездом управляют
придворные выездные
лакеи. На запятках
кареты – камер-казаки.
Фotoоткрытка.
1912 г.

Архив О.А.Хорошиловой

⁵¹ Тарасова Н. И. Ливрейный костюм в собрании Эрмитажа: из опыта атрибуционной работы / Вопросы музеологии, 1(3), 2011 – С. 135.

Мальчик в костюме придворного певчего.

Фотоателье
«Ю. Штейнберг»,
Санкт-Петербург.
Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дворцовый гренадер.

Фототипия
«Р. Голике и А. Вильборг».
1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

заветы Петровны, расшитая галунами, с пышным плюмажем из страусовых перьев.

Покой императора и членов его семьи охраняли во дворце красивые, заслуженные деды с окладистыми бородами, в раззолоченных мундирах, на которых из-за обилия галунов едва были видны золотые и серебряные кресты, полученные за участие в боях. Это были знаменитые дворцовые гренадеры, чей суровый вид и здоровенные меховые шапки приводили в восторг, а иногда и в ужас маленьких великих князей.

Весьма своеобразными были костюмы певчих Придворной капеллы. В штате этого заведения состояли «большие» (то есть взрослые) и «малые» (подростки) певчие. Первые выступали в малиновых ливрейных фраках и жилетах, обшитых по бортам и общлагам широким золотым галуном, либо в черных вицмундирах с золочеными пуговицами. «Малые» певчие леплеяли слух высокопоставленной публики в малиновых польского образца кафтанах с золочеными бранденбургами и галунами, шнурями с массивными кистями, перекинутыми на правое плечо, а также широким золотистым кушаком.

Дети не только выступали на концертах и торжественных мероприятиях. В стенах ка-

пеллы они учились – целых восемь лет. Потому в качестве повседневной одежды носили форму, схожую с костюмами реалистов или воспитанников городских училищ. Она состояла из суконных рубашки и шаровар, кожаного ремня с бляхой без чекана и суконной фуражки с кожаным лакированным козырьком. В холодное время «малые» певчие надевали пальто или шинель («тонниги» нескромно украшали ее мехом). Летом носили белые полотняные рубашки и шаровары, а также фуражки из такого же белого полотна. В целом вид их был подтянутый и весьма опрятный. После окончания старших профессиональных классов капеллы певчие поступали в Санкт-Петербургскую консерваторию, военные училища или продолжали работать в придворном ведомстве.

Был и еще один вид придворных, игравший значительную роль в жизни императорского окружения – дамы и девицы, имевшие какое-либо красивое и сложное для русского уха почетное звание. Формально самым высоким считалось звание обер-гофмейстерины. Дамы, его носившие, возглавляли придворный штат и занимались делами свиты императрицы и великих княгинь. Однако на практике эти обязанности исполняли статс-дамы (при императрице), а при великих княгинях – дамы безупречного аристократического происхождения, но порой и без придворных званий. Помимо них, при дворе состояли камер-фрейлины и фрейлины. У них тоже была своя придворная форма. Она представляла собой «русское» платье, весьма напоминавшее наряды императрицы и великих княжон. Александр Александрович Мосолов так его описывает: «Это платье белого атласа должно оставлять открытыми оба плеча; шлейф должен быть красного бархата с золотым шитьем (фрейлины великих княгинь имели шлейфы других цветов, по особому расписанию). На голове должен красоваться кокошник красного бархата»⁵². Под словом «шлейф» Мосолов имеет в виду верхнюю, распашную часть платья с

⁵² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 194.

откидными длинными рукавами. Именно по его цвету можно было с легкостью отличить статс-даму от фрейлины. С 1834 года, когда мундироман Николай I придумал одевать придворных дам в униформичные туалеты, гофмейстерины получили платья малинового цвета, статс-дамы и камер-фрейлины – зеленого, фрейлины – пунцовового. Это отличие оставалось неизменным вплоть до 1917 года.

Замужние придворные дамы, действительно, надевали «кокошники», а девицы – русскую «повязку», украшенные полупрозрачной вуалью из белого газа. Наряды непременно дополнялись драгоценными аксессуарами. Гофмейстерины, статс-дамы и камер-фрейлины крепили к левой стороне лифа миниатюры с изображением императрицы, осыпанные по кругу бриллиантами – «высокое отличие, дававшее звание “портретной” дамы»⁵³. Фрейлины блистали бриллиантовыми шифрами в форме вензеля той августейшей особы, в свиту которой они входили. Такие отличия носили непременно на андреевской ленте – на левой стороне лифа.

Во двор на балы или торжественные большие выходы съезжались и просто высокородные особы без придворных званий. Тем не менее их наряды должны были во всем соответствовать этикету. Мосолов отмечал: «Дамы, просто приглашенные ко двору, само собою разумеется, могут быть одеты в платья любого цвета, но того же покрова (имеется в виду «русское» платье. – О.Х.). Платья и кокошник, само собою разумеется, могут быть украшены драгоценными камнями в зависимости от степени богатства соответственной особы. В этом отношении приведу как пример, который меня как-то поразил, г-жу Зиновьеву, жену предводителя дворянства одного из уездов Петроградской губернии: она носила в виде пуговиц девять или десять изумрудов, величиной каждый с голубиное яйцо. Бриллианты были в мое время особенно замечательны на графине Шуваловой, на графине Воронцовой-Дашковой, на графине Шереметьевой, княгине Кочубей, княгине Юсуповой и т.д.»⁵⁴.

⁵³ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. – СПб. Наука, 1992. – С. 198.

⁵⁴ Там же. С. 194.

Научно-популярное издание

Хорошилова Ольга Андреевна

**Костюм и мода
Российской империи
Эпоха Николая II**

Редактор Н. В. Комарова

Макет: А. П. Зарубин

Корректоры О. В. Круподер, В. А. Нэй

Подписано с готовых диапозитивов

Формат 60x90/8. Гарнитура Garamond

Печ. л. 58 Тираж 2 000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

Khoroshilova, O. A. *Kostium i moda Rossiiskoi imperii: Epokha Nikolaia II.* Moscow: Eterna, 2012. 464 pp. R1,718.00. ISBN 978-5-480-00286-7.

Olga A. Khoroshilova's book is a study of the Russian clothing styles for both men and women in the late nineteenth and early twentieth centuries. The book is divided into eight chapters dealing with the court, the army, government uniforms and clerical dress, the uniforms of the various military schools, school uniforms, the dress of various professions and crafts, and finally, men's and women's fashions. As this list makes clear, Khoroshilova, a journalist who teaches at the St. Petersburg State University of Technology and Design, is interested primarily in what Russians called city clothes. She pays no attention to peasant or ethnic dress. As a result, this book really focuses on educated, urban Russians in the empire.

There are several features of Khoroshilova's work that distinguish it from other clothing histories. First, she devotes much of the book to the array of uniforms that Russian men and some women wore depending on their position in society. Regulations mandated what each uniform should consist of, and the author carefully describes them. To help the reader see the differences among the uniforms, the book is richly illustrated with studio portraits from the time. Occasionally there is a familiar face among the images, but for the most part they are unknown Russians whose portraits survived the ravages of twentieth-century wars and revolutions. (The vast majority of these portraits are from the author's personal archive.) To give life to these images, Khoroshilova includes information about how Russians felt about the clothing that they were wearing. The tsarist military journal *Razvedchik* (1889–1917) published numerous articles where officers complained about their uniforms. In an émigré journal, *Morskie zapiski*, Prince Aleksei Pavlovich Chegodaev-Sakonskii, stationed on a cruiser off the coast of Madagascar, complained bitterly about how his uniform made the tropical heat worse. He reported that he did not wear any underwear to make himself more comfortable (p. 106). Khoroshilova also provides evidence to show how Russian men tried to add individual elegance to their uniforms. Given the difficulty of finding these visual and written materials, the author has demonstrated great skill as a researcher with a clear eye for the telling detail. Moreover, by presenting considerable information on Russian military and civilian uniforms, she has added a new dimension to our understanding of what men wore in their everyday lives and how they thought about their clothing.

Kostium i moda is a popular history intended for those Russians who are eager to learn more about what Khoroshilova calls Russia's Belle Époque. As a result, the author does not really engage with some of the theoretical literature that would add to her analysis. For example, how does her discussion of men's uniforms contribute to a better understanding of Russian masculinity? There is a short bibliography, which is rather modest for the subject that she is addressing. With this caveat in mind, for those who want to learn more about Russia's urban sartorial landscape, this book would be a good place to start.

Christine Ruane, University of Tulsa